

НАШИ • ТАМ

О'САНЧЕС

Я КИРПИЧ

Наши там (Центрполиграф)

О`Санчес
Я Кирпич

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

О`Санчес

Я Кирпич / О`Санчес — «Центрполиграф», 2018 — (Наши там
(Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08063-9

Место действия сказочного романа — современный Санкт-Петербург, прекрасный, таинственный, волшебный, иногда жутковатый... Читайте удивительную историю жизни молодого парня, детдомовца, который, выйдя совершенно неподготовленным во взрослую жизнь, обречен провести ее в страданиях... Но однажды ночью, в результате кошмарного и таинственного происшествия, он и его бытие получают некий импульс, и жизнь его начинает меняться. В личности Севы Кирпичева, по прозвищу Кирпич, начинают происходить странные изменения: в нем постепенно пробуждаются сверхъестественные силы, столь мощные и грозные, что способны стереть с лица земли любых и весьма могущественных врагов, которые осмелятся встать поперек дороги главному герою. Он и любовь сумеет обрести. Вот только будет ли счастлив обладатель великой и мрачной мощи?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08063-9

© О`Санчес, 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

О'Санчес Я кирпич

*Для истин вечных и простых
Равны фата и траур вдовий:
Не ловят рыбок золотых
В соленом омуте Любовеи.*

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

Оформление художника Янны Галеевой

Глава 1

Недостаток опыта обычно выглядит как нехватка ума. Соответственно и воспринимается окружающими. Помню, в начале своей самостоятельной жизни я сжег три кипятильника подряд, прежде чем уразумел прятать включенную спираль в стеклянную банку с водой, вместо того чтобы прижимать ее для нагрева снаружи, сбоку или снизу. Конкретно этот опыт я проделывал наедине, избежав тем самым и насмешек и подсказок, а вот во всей остальной обыденности... Боюсь, что окружающие насмеялись надо мною и жалели меня гораздо чаще, нежели мне хотелось бы знать и помнить об этом.

Электрический чайник китайского кустарного производства дешевле совокупной стоимости трех кипятильников марки «ноу-нэйм», но в этом я удостоверился чуть позже, после того уже, как впервые победил – вскипятил воду в трехлитровой банке и напился самостоятельно приготовленного чая. Чай был черный, в двухкамерных пакетиках, «принцесса чего-то там», на ниточках, с плохо открепляющимися от полупрозрачных боков квадратными картоночками-держал очками... Пакетики я, разумеется, разрывал, а содержимое вытряхивал прямо в банку. Шесть пакетиков ушло на первую заварку: мутновато получилось, но вкусно, куда лучше, чем в интернатской столовке. Опыт и мастерство возрастали постепенно, от чаепития к чаепитию: месяца не прошло, как я научился макать целый, не надорванный мешочек прямо в кружку, лихо выдавливая из него туда же при помощи нитки, намотанной на чайную ложечку, остатки заварочной жидкости.

Со всем остальным получалось гораздо хуже и не так быстро.

Специальность на выходе во взрослую жизнь из ПТУ, типа колледжа, у меня была весьма далекая от современности: оператор-наладчик фрезеровочных станков с ЧПУ, произведенных в городе Иваново чуть ли не на заре космической эпохи... Да, выбился я в специалисты самого низшего, третьего разряда... или четвертого... Третьего, вспомнил. Получил сей титул сугубо из жалости экзаменаторов к моим умственным способностям, но и разряд мне, увы, ничем не помог, поскольку станки эти ко дню моего самостоятельного выхода в большой свет уже лет двадцать не представляли для народно-капиталистического хозяйства ни малейшей ценности, даже музейной.

Трудоустроить по специальности меня забыли, хотя и грозились, согласно гражданскому, трудовому и еще какому-то важному общероссийскому кодексу, но зато как сироту, не имеющего никаких родственников, наделили жилплощадью: получил я пятнадцатиметровую комнату в четырехкомнатной коммунальной квартире в районе Сенной площади, на улице Горьковой.

Сколько себя помню, звали меня Рыжим, а потом Кирпичом, изредка Савелием. В метрике я был записан Савелием Васильевичем Кирпичевым, так оно и в паспорт перешло. Хотя не понимаю мотивов нашего родного государства: как можно такому дебилу паспорт выдавать? И главное, зачем??? Но в те далекие годы я еще не умел заморачиваться подобными вопросами: дали и дали, взрослым виднее. Дурак-то я был дурак, но имя свое невзлюбил конкретно и всегда раздражался на него, вплоть до рукопашной. В драки я вступал охотно, однако почти всегда оставался побитым... Оно неудивительно, потому что хитрость боевая (и житейская, что гораздо важнее в повседневном городском быту) во мне отсутствовала совершенно, добывать лежачего я стеснялся, да и телесными параметрами был далек от богатырского сложения... Нет, имя Савелий ничем не хуже любого другого, но мне, моей сущности, оно так и не подошло. Ребята просто устали драться со мною по этому поводу... Ну, за то, что я сердился, когда меня Савой, Савелием, Савёлым пытались окликать... И постепенно привыкли называть Рыжим, а чуть позднее – Кирпичом: здесь я не без оснований полагаю, что звонкую кликуху сию обрел не столько за темно-рыжий оттенок шевелюры, сколько за непробиваемое тугодум-

ство. Все знали: Кирпич – он и есть кирпич, тупой, прямой и невеселый, беседовать с ним «о высоком», на отвлеченные темы то есть, абсолютно бесполезно! И это было горькою правдой: отличить, например, гангста-рэп Тупака Шакура от Кати Лель без посторонней помощи я не умел, а первая самостоятельно прочитанная мною книга была «Курочка Ряба», я ее осилил в восьмом классе.

Комната – приданое моё – была с очень высокими потолками, аж в четыре метра плюс какие-то сантиметры, а шириною ровно три, поэтому напоминала пропорциями короткий пятиметровый обрубок огромного коридора, в одном торце которого находилась дверь со сломанным замком, самодельная, сшитая из множества кусков текстолита поверх сосновых досок, а в противоположном – здоровенное полупрозрачное от вековой грязи окно, выходящее на сумрачные просторы узкоплечевого двора-колодца. Впоследствии уже, задним числом, я вычислил и длину комнаты в погонных метрах, и объем в кубических, но к тому времени данные математические выкладки и знания имели сугубо абстрактный характер: первое в своей жизни жилище, оно же недвижимое имущество, я потерял.

Произошло это легко и быстро: где-то в конце весны был мой выпуск, буквально в тот же или на следующий день я вселился по своему адресу (меня туда привезли какие-то официальные дяди и тети, сам бы я хрена разобрался во всех этих парадняках дворцов-колодцев), а меньше чем через два месяца – ку-ку: была комната – нет комнаты.

Соседи, весьма недовольные моим вселением, приглядывались ко мне, принимались, вступали в беседы... Последнее очень быстро помогло им освоиться с моей личностью, оценить предельно скромные масштабы моего интеллекта и всякие иные свойства, включая доверчивость. Людмила Сергеевна Корицова, она же Людка Кролик, костлявая соседка в возрасте, зарабатывала себе на бутылку операциями с недвижимостью, но поскольку сделки на этом непростом рынке с каждым пропитым годом давались ей все труднее, Людмила Сергеевна перебивалась в свободное от бизнеса время скупкой краденых сотовых телефонов, случайной проституцией по демпинговым ценам, торговлей алкогольным «палевом» и всяким таким прочим... Она прожила в этой квартире всю предыдущую жизнь, около пятидесяти лет, и привыкла считать пустующую жилплощадь почти своею. Месяца не прошло, как нового жильца, лоха лопухого, то есть меня, Кирпичева Савелия Васильевича, прозондировав, стали зомбировать: де, мол, такому крутому парню, перед которым вся жизнь впереди, неправильно идти по жизни без легковой «тачанки», без мобилы, без кожаного куртенья... Девки-то нынче любят успешных и упакованных, а рохлей не любят. Хочешь девку-то?.. Пей, пей, от души угощаем... Давай, кира, за молодость! За здоровье!

И действительно, вскорости жить без кожаной куртки и особенно без мобильного телефона мне показалось неправильным и нестерпимым! Другое дело, что я робел перед техникой, даже утюга и пылесоса не понимал, не то что всех этих кнопок да экранчиков, но... пользуются же другие, авось и я научусь... Только откуда взять деньги? Выходное пособие истрачено, и на работу пока не берут... Пару-тройку раз на Сенном рынке разгружал по ночам, но это не заработок, а так...

Добрые люди, во главе с Людкой Кролик и ее последним бойфрендом, ментом-алкашом с Сенного рынка, почти сразу же догадались о моих желаниях, затруднениях и, посоветовавшись за моей спиной, предложили заманчивый выход: они помогают мне продать мою комнату, причем – по выгоднейшей цене! Без комиссионных, за один только магарыч!.. Что такое магарыч? Ну, это типа проставка, сделку обмыть должным образом... И не просто продать комнату, чтобы самому на улице очутиться, – нет! Просто идет как бы обмен одной жилплощади на другую, прописка в хорошей общаге, а с такими-то деньгами тебе, Кирпичонок, и отдельную однушку можно выкрутить, Людка поможет, она у нас самый крутой риэлтор на питерском рынке недвижимости... Чего?.. Риэлтор – это... ну, маклер типа. Чего?.. Вот, блин, молодежь

пошла, ни хрена не знают! Маклер – это типа специалист купи-продай на рынке жилья, теперь понятно? За Людку! Господа офицеры! За дам пьем стоя!.. Одну руку за спину... Вот так!..

Однажды утром просыпаюсь – оказывается, я уже все продал по доверенности, а деньги куда-то девал... Я в слезы... Потом в драку, соответственно, свои каракули под бумагами не признаю... Они все вопят, возмущенные моей неблагодарностью... Сначала осторожничают, просто отмахивались от моих слабосильных наскоков, а потом бить стали, понятное дело, очень уж осерчали на мою забывчивость и непоследовательность. Но в тот миг судьба надо мною сжалась, видимо, не понимая, что нет ни малейшего толку в эпизодически проявленном милосердии по отношению к отдельно взятому болвану: дозначники – не столько из-за меня, сколько по совокупности косяков и проделок – сцапали всех участников нашей риэлтерской сделки, а также некоторых застольных сочувствующих. Витька-мент был прямо на рынке прихвачен, на своем рабочем месте, при исполнении, в милицейской форме, с краденными китайскими товарами-вещдоками. Ни секунды лишней не рассусоливая насчет относительности зла и добра или, там, по поводу всяких прочих нравственных абстракций, он немедленно и чистосердечно привел оперов на хату к Людке, а у нее в комнате плюс в общем коридоре на антресолях нашли остальное. Людку поместили в камеру предварительного заключения; Витьку-мента коллеги больно побили за крысятничество, но, наложив нешуточный штраф, оставили на воле – хлопотать, восстанавливать честь мундира и собирать оставшуюся сумму контрибуции в пользу обделенных соратников; меня дернули свидетелем пару раз по поводу краденого, да только следователь очень уж раздражался нашими с ним разговорами, раз десять вслух мечтал выбить мозги из моей тупой головы... Однако ни разу не побил, а звали его Сергей Васильевич Цацарев, почти тезки. Тем временем Витька-мент в душевном разговоре за бутылкой у меня в комнате признал свою вину в том, что он, Людка, они все – не уберегли мои деньги, вырученные за продажу комнаты! Козе понятно, что бабки либо украдены, либо потеряны, но вот по чьей вине или, там, по умыслу – нет абсолютной никакой возможности дознаться. И если Сава Кирпич – я то есть – готов просто дать честное мужское слово в своей невиновности...

Я, естественно, такое слово дал, а Витька-мент безоговорочно в него поверил. И вообще мне было совестно перед Витькой, но не за деньги и подписи, а за некоторые другие щекотливые моменты личной жизни... После этого мы стоя выпили, и Витька поклялся, что еще раз они провернут всю сделку, то есть заново, и еще раз заплатят мне сполна, только теперь уже, чтобы эти падлы не придирались, сделка и выплата будут оформлены в нотариате непосредственно, а не по доверенности. То будет не совсем новая сделка, но как бы в подтверждение той, первой бумаги, типа задним числом... Чтобы все чин-чинарем: вот денежки, вот подписи... И Людку выпустят, признав ее непричастность, но это уже другая тема, параллельная... Там, видишь ли, китаезы просто забыли, что сами попросили меня товары у Людки подержать, но теперь всё очень быстро вспоминают, суки недобитые, х-хунвэйбины!.. И Серега, который Васильевич, уже дал согласие подрихтовать бумаги-показания как надобно, там все на мази, ты только его слушайся, что он тебе скажет, ты у нас почти что главный свидетель... Серега – реальный пацан, не жлобюра. Не забудь его потом поблагодарить, что тебя не тронул и даже помог от следствия отмазать... Мы ему бакшиш заслали, но и ты тоже, как денюжки выкрутишь, на коньяк ему распечатайся, проставь. А лучше виски. Две тонны баксов за такую комнатенку – бабки нешуточные! За них черта можно купить! А... вдобавок... если их еще выгодно вложить... то на маржу можно будет дворец отстроить и дачу...

Долго мы с Витькой и еще с каким-то юристом-полуадвокатом, обеспечившим законность продажи моей комнаты, стояли во всевозможных очередях, расписывались, подписывались... В итоге сделка завершилась, Людку тоже выпустили, Витька вернулся на свой родной Сенной рынок, бомжей и старушек-фрилансеров гонять, а я получил кровные две тысячи долларов на руки, но тут же их вложил в одно очень выгодное дельце, подсказанное Витькой и

Людкой по конкретной наводке юриста Рудика: инвестировал в ценные бумаги, в акции очень крупного банка, две тысячи акций получилось.

– Кирпичонок, ёкарный бабай! Ты, мля, точно в рубашке родился, акции-то не простые, а валютные! Скажи, Рудольф, првльно я гврю?.. Икота, икота, перейди на Федота... И водяные знаки, само собой, вон они... О, так ведь о том и речь! Сам бы купил, да бабла свободного нет. Засакай, ты же грамотный?... Вот, своими глазами читай: «номинал пять долларов США»! «Номинал»! Это тебе, блин, не кошкой в тапок срать! А ну-ка, умножь две тысячи на пять!?.. Это знаешь, сколько будет?! Людка, где твой калькулятор?... Как всегда, когда надо, фига чего найдешь... Короче, Кирпичонок, это будет до хрена и еще больше! Перетолчешься пару месяцев в общежитии, а там – продашь акции... и уже навсегда нас забудешь!.. Почему, почему... Да потому, типа, что новым русским станешь, а мы тут, с Людкой и Рудиком, люди простые...

Однажды я не поленился и залез в фондовые котировки того далекого послекризисного года¹. Номинал купленных банковских акций действительно был пять долларов, но в свободной продаже стоили они в те дни, на исходе второго тысячелетия, чуть меньше трех рублей за акцию, а скупали их еще дешевле, где-то за два целковых с копейками... Продать их в ту пору было непросто, а купить – бери не хочу, сколько угодно, еще принесем! И меня, дурачка несчастного, «приняли» по одному доллару за каждую акцию... Итого: взамен пятнадцатиметровой комнаты в историческом центре Питера я получил две тонны баксов, на которые купил две тысячи двухрублевых бумаг.

Думать я не умел, хотя и неоднократно пытался это делать, однако врожденная глупость почти не спасала меня от душевной боли и разных дополнительных бытовых огорчений: жить-то дальше надо, а жизнь вдруг стала так трудна! Из комнаты, которая была моей, а стала чужой, новые хозяева меня выпнули через две недели, и это было непередаваемо горько, ведь я уже успел привыкнуть и к железной койке со старым уссатым полосатым матрасом (которая досталась мне вместе с комнатой и была единственным предметом домашней мебели в ней), и к мутно-волнистому пейзажу за кривыми стеклами окна, и к клопам, и к соседям, которые хоть и метелили меня по пьяному делу неоднократно, но все же таки заботились обо мне, помогали советом, и словом, и вообще...

Где жить, как жить? И на какие шиши? В бомжи я не хотел, боялся этой участи как не знаю чего – этот страх у нас у всех еще с интерната в кровь и плоть вошел... Специальность у меня была, был и диплом, к ним бы еще работу постоянную... Увы. В общежитии, куда меня заселили «по обмену», я познакомился с соседями по одиннадцатиметровой комнате, все как один – узбеки: Тахир, Пулат, Рустам и Анвар, так вот, они по-человечески со мною: сначала накормили, когда поняли, что я давно не жрал, а денег у меня нет, а потом взяли к себе в строительную бригаду, организовали койко-место. Ребята хорошие, непьющие, гораздо менее злые, чем, например, Витька-мент и Людка Кролик или, там, завхоз нашего интерната Анатолий Иванович Месяц... Врать не стану: и с узбекскими «чурками» бывали у меня конфликты, вплоть до драк, но все же, все же, все же... Получал я меньше, чем узбеки (и это было справедливо, потому что спервоначалу я не умел толком ни красить, ни обои клеить, ни мастерком махать, ни подсчитывать в столбик), но на пропитание и одежду хватало, хотя, конечно же, с мечтами о кожаной куртке и мобильном телефоне пришлось расстаться. Вдобавок в начале зимы девяносто девятого года, в декабре, у меня украли, просто вытащили из сумки под кроватью, что в общежитийной комнате, единственное мое сокровище: сертификат на владение двумя тысячами валютных пятидолларовых акций... Помню, я очень долго плакал по ночам и все тишком надеялся, что сейчас подойдут и вернут мне мою бумагу и скажут: «Испугался, Кир-

---

¹ Имеется в виду «дефолтный» кризис 1998 года, в отличие от «мягкого», грянувшего через десятилетие, в 2008 году. – Примеч. ред.

пич, да? Не бойся, да мы просто подшутили над тобою, вот твои акции!» Нет, никто не пришел и не вернул.

Тогда я еще не знал, что красивый, приятно похрустывающий в руках, сиренево-зеленый сертификат я мог запросто выбросить, сжечь, разжевать и выплюнуть – все равно банковские акции останутся моими, записанными на мой владетельный счет, а вот для другого-остального человечества та бумажка – всего лишь не имеющая никакой цены справка с печатью поверх типографского шрифта и водяных знаков, но ничего более... Нет, ну конечно же, если бы господа брокеры из конторы, где была зарегистрирована сделка, пронюхали о моем интеллектуальном статус-кво и об утерянном сертификате, они вполне могли бы, на паях с держателями реестра акционеров, столкнувшись с ними, пойти на небольшой подлог, практически без риска разоблачения... Только кто станет из-за копеек да еще вслепую рисковать своим статусом и лицензией?.. К счастью, ничего подобного не случилось, но я об этом, разумеется, не знал и к лету 2000 года уже мог вполне сносно понимать команды моих товарищей по бригаде, их междусобойную болтовню, причем не только на пиндиш-олбанском, но и на подлинном узбекском языке. Блин! Ведь я действительно был дебиловат по самые уши, однако, несмотря на данное прискорбное обстоятельство тех лет, факт остается фактом: разнообразных обид и унижений от узбекских моих братишек-гастарбайтеров во главе с Тахиром-бригадиром я выхлебал в повседневности моей гораздо меньше, несопоставимо реже, чем от моих дорогих соотечественников, соплеменников, русичей-сородичей... По деньгам слегка «нагревали», ущемляли, не спорю, да только на фоне всего остального, сплошь и рядом возможного, это были такие мелочи...

Но однажды, на рассвете июньской белой ночи, мои однокомнатники, все четверо, проснулись от моего жалобного тонкого крика, переходящего в вой, а потом в стоны, а потом опять в крики...

Сам я ничего такого не помню, это мне потом ребята рассказывали, многожды рассказывали с подробностями, с преувеличениями, подражая моим крикам и всхлипам...

По их словам, одеяло было сброшено на пол, сам я лежал на спине, а под майкой, на груди, прямехонько напротив сердца, расплзлось кровавое пятно, словно бы кто-то меня ткнул ножом или шилом в сердце. Я лежу весь бледный, глаза мои открыты, но ничего не видят, потому что зрачки под лоб закачены, а пятно такое густо-красное, и все шире, шире, на правую грудь, в левую подмышку...

Что делать? Ребята в панике, потому что к таким смертям не привыкли, а звать на помощь... гораздо больше не привыкли: каждый визит властей российских сюда, в полулегальное гастарбайтерское гнездовье – это всегда большие неприятности и большие расходы. Тахир, старший по комнате, наш бригадир, задрал мне майку, чтобы глянуть – а раны-то найти не может, и майка-то цела! Тою же майкой протер – нет раны, только огромный круглый синяк-черняк в области сердца... и кровь больше не течет. Оглянулся Тахир на своих товарищей – да нет же: никто из однокомнатников меня не бил, не резал! А дверь-то на щеколде, и окно закрыто! Я продолжаю лежать без сознания, но уже не кричу, тихо-тихо постанываю.

Короче говоря, Тахир, посоветовавшись наскоро с земляками, решил подождать дальнейшего развития событий, благо на крики мои никто из посторонних не прибежал, не среагировал... Впрочем, в беспокойном скученном гастарбайтерском бытии ночные крики с драками – дело совершенно обычное и, как правило, не выходит из недр общажных во внешний мир.

Все что могли, мои товарищи сделали: водою мне лоб и губы смачивали, на грудь положили нечто вроде лепешки, густую кашу из насвоя... Насвой – это порошок, национальное узбекское развлечение, нечто вроде зеленого жевательного табака со слабой примесью растительной наркоты-стимулятора, по типу экстази и джефа... Белье и матрац подо мною заменили, потому что я почти двое суток лежал, не приходя в сознание, и нормальным дальняком-туалетом не пользовался. Натерпелись ребята страху в ожидании моей неминуемой смерти с после-

дующими, быть может, катастрофическими, последствиями для их нынешней жизни, пусть и непростой, но худо-бедно устоявшейся...

– Рустам, Рустам... пить хочу... Рустам, водички... – таковы были первые мои осознанные слова на исходе вторых суток беспамятства.

Рустам – ему по общему жребию, в котором не участвовал только Тахир-бригадир, выпало дежурить в тот день у моей койки – подал мне воды и, вне себя от радости, отзвонился по общебригадной мобиле на стройку, доложил Тахиру-бригадиру на его личную трубку, причем по-русски, они ведь здесь, на чужбине, все обрусели исподволь, незаметно для себя: «Жив урус-Кирпич, меня узнал, в себя пришел!».

Да, я хорошо помню тот первый миг возвращения в жизнь и первое чувство: легким горячо и сладко дышать, горлу больно без воды! Помню каждую рытвинку от прыщей на смуглой широкой физиономии моего «медбрата», помню черный и густой ежик волос на его голове и реденькие несимметричные зачатки усов на широкой верхней губе... И одуряющий в своей мерзости запах тряпичного барахла, постиранного с дешевым хозяйственным мылом, всех этих наших спецовок, носков, штанов... В общаге еще с советских времен была предусмотрена сушильная комната, но из мест общего пользования всё беспощадно крали и тогда, и позже... Ну, и от меня пованивало, чего уж тут скрывать. У меня вообще неплохая «телесная» память, в отличие от «умственной», но если бы я вдруг взялся вспоминать и описывать мельчайшие особенности всего когда-либо увиденного, услышанного и унюханного мною, некогда было бы дальше жить, да и вряд ли нашлось хотя бы несколько желающих опосредованно, через чужое красноречие, всасывать всю эту нудятину в духе Жюль-Верн и Марселя-Пруста. Описания более присущи веку двадцатому, девятнадцатому и ниже, когда человечество, еще не выдумав телевизор, цветное кино, глянцевых сайтов с гламурными файлами, уже научилось соблазнять своего обывателя грандиозными репортажами-панорамами очевидцев карстовых пещер, банановых зарослей, антарктических пингвиных пляжей, убранства разрушенных и построенных дворцов... Современному слушателю и читателю скучно битый час выслушивать и вычитывать то, что он может увидеть сам, дотянувшись до включателя, кнопки или, там, набора клавиш механических, сенсорных...

Рустам принес мне воду в зеленой пластмассовой четырехсотграммовой кружке, если уж это кому-то интересно знать, хотя узбеку из Хивы, наверное, более пристало бы пользоваться пиалой... Нет, из пиал они ели и пили сами, отнюдь не каждый день, но только по торжественным случаям, а кружка была моя личная. Утоление жажды плескалось у моих губ – вот что важно, и в этот миг тридевятьстепенно, успела ли вода остыть после кипячения до комнатной температуры, или все еще не освободилась от противной «кровяной» тепловатости... Влага в процессе поглощения то и дело проливалась мне на кадык и шею, струйки, вероятно, были плоские и невзрачные, наверняка даже с примутью от попадания на грязную потную кожу... Лично я всего этого не видел в те минуты и видеть не мог, но стандарт есть стандарт, одно событие, как правило, похоже на другое аналогичное и в целом, и по деталям... Впрочем, какое, на хрен, мне дело до всей этой эпистолярной живописи, теперь и тогда??? Главное – оклемался. Да, то был великий праздник для всей нашей комнаты-бригады!.. Позже – не сразу, когда я уже окончательно встал на ноги и вернулся в работу, – коллеги-гастарбайтеры сделали постепенный вычет из моих прибытков: за простой, за белье, за дежурства у моей койки, за лекарства... До осени выплачивал, а мне самому оставалось только на еду и иные необходимые мелочи... Но даже тогда своим жалким умишком все еще дебила я понимал справедливость предъявленного счета: ребята ведь не просто так уродуются полный световой день на стройках чужого города чужой страны, они зарабатывают для своих родных хлеб, жизнь и достаток... И зарабатывают, по сути дела, гроши, с которых приходится дополнительно отстегивать целой армии отечественных и местных кровососов!.. Хорошие люди – тоже люди, это следует понимать, а понятое ценить.

Где-то ближе к середине августа я поправил конструктивную погрешность в расчетах и тем самым сэкономил бригаде целый рулон линолеума на каждый вертикальный квартирный «стакан» десятиэтажки. Сказать, что Тахир удивился, – это ничего не сказать: проворный разумом бригадир, перепроверив расчет, раззявил жирный белозубый рот и несколько секунд размышлял, пытаясь то ли рассмеяться, то ли что-то такое умное и бригадирское изречь... Тем временем громко, на всю комнату, задребезжала под заварочным чайничком крышка электрического самовара, пора уже было вечерний чай пить, но бригада, понимая всю важность бригадирских дум, дисциплинированно молчала.

– Это правда! – Кивком разрешая Анвару заняться заваркой и прочим, Тахир поискал и нашел в себе мужество согласиться с замечанием самого... хилого не хилого... тупого не тупого... мой однобригадник Пулат, как мне теперь кажется, был еще глупее меня... О! Вот как правильно: Тахир признал правоту самого малоавторитетного члена своей бригады, то есть мою, Кирпича, правоту! Но, будучи мужиком ухватистым и практичным, тут же поспешил извлечь пользу из благородства своего поступка, прямо спросил:

– Э, Кирпич-мирпич! Как догадался, откуда узнал, кто подсказал?

– Ну, это... в общем... посчитал, типа. На один, типа, рулон, мы лучше пять кусков по четыре метра нарежем, чем четыре по пять, как раз на кухне ляжет, оно и обрезков меньше будет, ширина у кухонь как раз трехметровая. А десять этажей, типа, друг под другом, то еще ноль добавь. Вот тут.

– Бала Кирпич! Сам, да, придумал? Ну-ка, на, вот тут сложи!.. Погоди, ответ закрою.

Решил меня Тахир проверить на знание арифметики, но на втором примере я запутался, и он вздохнул с некоторым облегчением. А остальные засмеялись. Почему с облегчением – ну не боялся же Тахир за свой авторитет и бригадирское место? Наверное, нет, не боялся, но у него, как и у любого умного человека на земле, настороженность вспыхивает проще всего именно от наплыва неизвестного, внезапного и непонятного... А тут безмозглый Кирпич умственности выдает! Наперед старших и умнейших! Непорядок.

Но тревога узбекского бригадира оказалась ненаправленной: что-то лопнуло в моем сознании той страшной белой ночью, принося перемены в образ мыслей и в образ жизни. Так, в сентябре я доказал ему, что долг мой перед бригадой выплачен и что за август мне причитается двести дополнительных рублей! Когда Тахир усвоил, что Кирпич реально с расчетом не согласен и наезжает, требует «свое», он среагировал быстро, четко, опершись на многолетний опыт деловара и глубокое знание людей:

– Э, Кирпич, а?! Зачем так сказал, а? Ты друг – я друг, почему наезжаешь? Хорошо, хоп. Вот тебе сто рублей и сто рублей. Все, мы в расчете. Уходи из бригады, уходи из комнаты. Что за комнату остался должен – ничего не должен, мы заплатим, я сам заплачу. Иди, иди.

Помню, я растерялся так, что и огорчиться толком не успел: еще днем ведь все были свои, из одного котла кашу-плов кушали, одним воздухом дышали, одно дело делали!.. Всех вещей у меня – брезентовая сумка под койкой да умывальные принадлежности в тумбочке. Я встал и пошел к кровати, сумку доставать, мыло и зубную щетку из тумбочки вынимать, молча, не прекослова, потому что дар речи утратил: как же мне теперь???

Иду, а у самого ком в горле и недоумение: за что меня так, куда я теперь пойду, на ночь глядя? Не май месяц на улице, ранняя осень, холодно, с утра моросит не переставая... И на зонтик я не накопил.

Почти весь коридор третьего этажа прошел – от «слепого» торца, где была расположена комната наша... моя... – до лестничного пролета, как догнал меня Анвар: дескать, Тахир зовет.

А что мне теперь Тахир? Все, что он сказал, я сделал, чужого не взял, своего не отдам. Небось, хочет узнать, в какой коробке шурупы-саморезы, сверловые-потай, что я в конце дня на утро оставил?.. Вот пусть теперь сами разбираются, раз они так со мной!.. Но почти сразу же я глубоко устыдился собственной злобности и говорю:

– Ава, шурупы, которые на завтра, там, в прихожей, в белом пакете завернуты, прямо на ведре пакет лежит.

– Какие шурупы? Тахир зовет, говорить хочет, очень просит.

Этого я не ожидал и от растерянности вернулся. Короче говоря, помирились мы с ним, хотя, если честно, то я с ним не ссорился, а просто вышло так... Сидим, помалкиваем, чаепития ждем. Самовар созревает, созревает – и вдруг зашипел, загремел! Но кипяток из него сначала попадает в двухлитровый шарообразный чайничек, там он заваривается черным, а чаще зеленым чаем, вперемешку спитым и свежим, и оттуда уже льется ароматною струей по чашкам да кружкам. Редко кто разбавит чай, налитый в кружку из чайника, «белым» самоварным кипятком – не принято в нашем узбекском обществе так делать, да и не вкусно. Сахарный песок в чай класть – тоже не принято, и я от этого вслед за другими отвык. Расселись вокруг стола всей бригадой, чай пьем, конфетками прихрумкиваем – как хорошо жить на свете! В пальцах у меня та самая пластмассовая зеленая кружка-спасительница, старая, с шершавыми от царапин боками, а руки подрагивают... Сам даже не знаю, от чего – от радости, что остался, или от благодарности, что оставили... Все мы тем же молчком вытянули по первой, а потом разговорились, кто о чем, о конфликте ни намеком не вспоминая, а потом и спать легли, чтобы успеть выспаться к следующему трудовому дню. И никаких дополнительных прав я не качал в тот осенний вечер, он мне сам надбавку сделал, поэтому за октябрь я получил вровень с тем же Анваром, больше чем Пулат. Узбекам очень нравилось, что я непьющий и некурящий, да только моей заслуги в том не было: за компанию с Витькой-ментом и Людкой я пил как все, но узбеки, поголовно мусульмане, в основном непьющий народ, вот и я с ними заодно чаем обходился. Зато курить и «нас» жевать мне очень не понравилось, от табака да тем более от «наса», насвая ихнего, у меня одна тошнота, а вкуса и радости – ни малейшей.

Продержался я в той гастарбайтерской команде еще с полгода, вырос до положения замбригадира Тахира, даром что самый молодой из всех, а потом ушел. Сам так захотел. Без скандалов, по-хорошему, с уважением к Тахиру и остальным ребятам – но бесповоротно. Внешняя причина проста: молдаваны сманили к себе в команду деньгами и условиями. Нет, жилье и деньги были не главное в решении моем, теперь я знаю это доподлинно... Хотя и по условиям бесспорно: заработки мои заметно подросли, да и жилье стало другое, не на Гражданке, а в противоположном краю города, в Купчино, пусть тоже общага, тоже удобства на этаже, но – в просторной пятнадцатиметровой двухместке.

И все-таки – почему ушел? Потому что время пришло, если коротко объяснять, а если развернуто...

Можно и подробнее – главное не сбиться в мыслях, не запутаться в словах, ибо до сих пор я испытываю нечто среднее между робостью и тоской, вспоминая себя тогдашнего. Что-то со мною случилось в ту страшную ночь, нечто неопишное, жуткое, если не сказать зловещее, странное, очень холодное, и это нечто стронуло мою жизнь с убогой мертвой точки, покотив ее в неведомое куда-то... Я стал меняться, и перемены эти были куда как... масштабнее, всеохватнее, важнее... нежели зарплата и место жительства. Странно объясняю, невнятно, да? Раньше любому собеседнику моему хватало одной минуты разговора, чтобы понять всю степень моей простоты и дебиловатости, нынче все иначе... Или, например, выражение лица: «Ты, Кирпич, не обижайся, но ты какой-то не такой стал... Да, да, голова рыжая, а лицо – другое лицо. Другое стало. Глаза другие». Это мне Тахир на прощание сказал, в апреле 2002 года. Было мне в ту пору почти двадцать лет.

– Как это – другое, Тох? Почему другие глаза? В чем?

– Не такие. Доброты стало меньше, ума больше. Если что – возвращайся, мы простим, как брату говорю.

– Спасибо, Тох! Вы тоже мне как братья все. И Пулат, и Анвар, и Рустам, и ты, но я, наверное, не вернусь. Пока.

Отвернулся, едва успев пожать руку на прощание, и убежал.

Да, было мне в тот месяц почти двадцать лет по паспорту, и это были мои последние слезы. Больше я никогда не плакал, хотя причины и поводы случались...

Прошел еще год – и я снял себе комнату на одного, в той же купчинской общаге, только двумя этажами выше: теперь я жил на пятом, «семейном», и сам чуть было не женился! Не то чтобы я грезил именно семейной жизнью, с шопингами, с колясками, с битьем посуды о стену, но... Дело молодое, любви, счастья и всякого-прочего, яркого и жаркого, конечно же, хотелось!.. В 2003-м я уже заметно поумнел против прежнего, однако еще не настолько, чтобы самостоятельно соскочить с поводка, на который меня посадила одна штукатуриша из Витебска пятью годами старше. И все же судьба хранила мою неопытную холостяцкую свободу: подвернулся ей добрый молодец поаппетитнее бездомного и безлошадного Кирпича, бывший бульбаш, – как и она, владелец однокомнатной квартиры и жигулей «девятки», ну и... понятен выбор оказался... Зазнобу тоже Людмилой звали, как и Людку Кролика (первую мою женщину!), тоже заядлая матершинница, только она была вдвое моложе Людки, толстенькая, почти не пьющая и совсем не курящая.

Если говорить о батрацкой работе как таковой – руки у меня были на месте, нормально управлялся и с дрелью, и с мастерком, и с молотком, и даже с малярной кистью, но особого мастерства не было: просто исполнительный, добросовестный, непьющий Сева Кирпич. Я к тому времени научился представляться Севой, а не отвратительным мне Савой, и окружающие легко к этому привыкали. Сева Кирпич – их всех устраивало, и меня тоже. Ну вот, с точки зрения рукодельного мастерства, я был как бы просто на своем месте и звезд с неба не хватал, но зато во всякого рода расчетах да подсчетах проявил неслыханную прыть: то и дело выявлял способы сэкономить – это для бригады и способы навесить дополнительной лапши по деньгам и условиям – это для заказчика. Быть бы мне со временем новым бригадиром: разве что опыта и связей поднакопить, да и собрать под своим началом надежных рукастых ребят, да и отпочковаться от прежней команды, да и уйти в самостоятельное плавание по мелким водам шарашкиного гастарбайтерского бизнеса, но... Не вожак я, не люблю среди людей время проводить, жить их заботами, делиться своими... Поэтому я всегда был не главный, а на подхвате у старшого, типа черным экономистом-бухгалтером. То есть работаю на объекте как все, тружусь пролетарскими честными и мозолистыми руками, но – участвую в военных советах, обсуждаю сметы, бизнес-планы, промежуточные сметы, дополнительные сметы... Соответственно, и отваливаются мне жирные премиальные кусочки, поскольку все сущие в бумажных махинациях осознают несомненную пользу от моих советов. И раз – молодец, и два – подсказал, и три – учуял... И все в тему!

«В натуре, Семеныч, надо подкинуть грошей чуваку, а то затаит обиду наш Кирпичик и свалит в другую дивизию, нынче все без меры шустрые да обидчивые...» «Сева, а, Сева? Получи! Это тебе за “мусорную” смету. Потом, потом посмотришь, спрячь, это твой отдельный конверт, индивидуальный, не надо им трясти при всех!»

Да, с баблом, или с деньгами – а я всегда предпочитаю называть заработанное деньгами, но не баблом, – у меня стало посвободнее, хватало и на еду, и на одежду, и на съем отдельной комнаты в общаге... Трубка мобильная у меня давно уже была, и я повадился регулярно менять старые на новые, а пейджер просто выбросил... Шел однажды по двору, домой возвращался, на ходу вынул из нагрудного кармана пейджер и зашвырнул – метко попал! – в амбразуру мусорного бака. И ни разу не пожалел об утрате. Крупные покупки, типа машины, квартиры или дачи, мне были по-прежнему недоступны, а в остальном... Захотел на дискотеку сгонять – запросто, барышню в кино сводить или в кафешку – тоже мог себе позволить! И ноутбук себе завел, и пользоваться им научился, но! Повторюсь: скромных прибытков моих заведомо бы не хватило на исполнение самой заветной мечты: на покупку собственного жилья! По мере того как в мозгах моих прояснялось, я все острее переживал потерю комнаты, которая у меня

была и сплыла, исключительно по собственной дурости. Потерять-то легко, а вот обрести... Да что там я – мой старший, Мстислав Семенович Куга, и тот никак не мог себе на квартиру накопить: что ни месяц – цены вверх бегут, чуть ли не вчера «треха» в Приморском районе тридцать тонн баксов стоила, глядь – а уже однуху за такую цену не взять! Какие тридцать – очнись, малый! – полтинник однуха стоит, и расхватывают! Вернее, стоила, сегодня тебе и за семьдесят никто не продаст! И действительно – где найдешь дурака отдельную однокомнатную квартиру за два лимона рублей продать, когда она уже под три лимона стоит...

Но однажды понадобилось мне справки собрать, типа для... впрочем, не помню... для военкомата, например. Хотя нет, с военкоматом у меня все было чики-пуки: белый билет и полная свобода от выполнения почетной гражданской обязанности, не дожидаясь заветных двадцати семи лет... Тоже ведь очередная превеликая странность нашего времени, о которой я уже упоминал по другому аналогичному срезу социального бытия: служить в армии – на это у меня здоровья в головном мозгу оказалось маловато, а выбросить дебила-сопляка из интерната в большую взрослую жизнь – годным признали. Скорее всего, справка требовалась для чего-то пенсионного, но не суть. А просто в прежней общаге на Гражданке, по месту очередной почтовой регистрации, меня ждал конверт, пыльный такой, пожатый, но – ждал: узбеки отнесли на вахту, а на вахте он попал в почтовый отстойник. Чудо, конечно же, однако оно случилось: и тетя Вера меня узнала, и про конверт вспомнила... Чего именно я ждал от этого письма – сам не знаю, но взволновался – жуть, аж коленки затряслись!.. Может, родные объявились, или что... Увы, нет, пустая писулька на офисном бланке с печатями: контора «Серая лошадь» согласна купить у меня две тысячи акций банка «Петростройком-бизнесбанк» по два рубля пятьдесят копеек за штуку. Опа! Вот лошки, они что, не знают, что ли, что акции у меня украли?

Выбросил я письмо в урну, попрощался с тетей Верой, она рассказала на дорожку, что ребята мои узбекские съехали жить на другую точку, а куда – она не знает, координат не оставили... И опять времечко потекло неспешно, вымывая старые впечатления, подбрасывая новые... Живу, не тужу, а у самого мысль нет-нет, да и засвербит: как же они там не знают, что акции у меня тью-тью? Может, та бумажечка не украдена, а просто потерялась где-то, и никто моих акций не присвоил? Две тысячи по два пятьдесят – это пять тысяч рублей, можно купить джинсы, хорошие кеды... Или трубку с наворотами... Однажды просматриваю утреннюю газету, сидя на общажном толчке, – а там статья про акции ОАО «Петростройкомбизнесбанк», тот самый, «мой», а в статье какая-то хрень про раздробление акций, типа была одна – стало двадцать пять... И цены какие-то такие... И опять почувствовал я себя дураком, не в силах разобраться в написанном... Почему опять? Дело в том, что окружающие все реже обращались ко мне как к глупцу и почти не обзывали дебилом, ну и я, грешным делом, стал поддаваться на лесть, возомнил себя равным среди равных, а то и... Но статья в газете отбросила меня далеко назад, на прежние рубежи самооценки... Недели две я терзался догадками и сомнениями, а потом просто и тупо вошел в отделение банка, благо их по всему городу наткано, и обратился за разъяснениями к кассиру... Кассирша Анджела (бейджик у нее был: Анджела Иванчик) с ответами затруднилась и позвала старшую. Старшая, Марина Игоревна, также ничего внятного сказать по моим проблемам не могла, по акциям не специалист, про «Серую лошадь» отродясь ничего не слыхивала, стала названивать куда-то в недра информационно-технической поддержки... Надо отдать должное банковским теткам: они были терпеливы со мною... И, забегая вперед, скажу: не только терпеливы, но и предприимчивы! Пока шли выяснения-прояснения, они завербовали меня в свои клиенты: счет открыли, книжечку мне завели, пообещали банковскую карточку, когда разбогатею... Случился неподалеку тамошний банковский сотрудник из отдела по борьбе с акционерами, вышел в операционный зал, не поленился ради меня... Оказалось, что да, что акции банка на мне числятся, что мне причитаются какие-то дивиденды, и что я смогу получить эти дивиденды как наличными, так и на вновь

открытый счет, вместе с пятьюстами рублями, только что мною положенными в банк, в полном объеме, в любое время, сразу же, как только обновлю все свои данные в соответствующем депозитарии... Вот адрес депозитария, дни и часы его работы...

Дивиденды, блин! Депозитарий, блинн!!! Еще знать бы, что это за хреновины такие! Нет, про дивиденды – это типа процентов, которые ни с того ни с сего капают на счет, – это я где-то слышал, а про депозитарий – ни сном, ни духом. Выучить полдюжины терминов и художественно постигнуть все свежееобрушившееся на мою голову оказалось не труднее, чем распыть линолеум по цементному полу или эсэмэску написать, постепенно разобрался.

Было у меня две тысячи акций, а стало пятьдесят тысяч акций, одна раздробилась в двадцать пять, как объяснили мне в депозитарии, чисто технически разбодяжили, безо всякого влияния на уставной фонд, капитализацию банка, соотношение акционерных долей... еще про какую-то немыслимую хрень долго талдычили... Что две тысячи, что пятьдесят – я ни одной в глаза не видел с тех пор, как мне их показывали, соблазняя на покупку. Они просто числятся в моем владении, а соответствующих бумажек, по типу наличных купюр, не существует! Как же так!? У меня ведь валютные были, каждая с номиналом! Оказывается, да, были валютные, но их давно уравнили во всех правах с обычными и разбодяжили 1: 25 на общих основаниях, согласно всем вновь принятым решениям в рамках закона! Вот вам выписка из реестра о том, что вы владеете акциями, с вас сто тридцать рублей за выписку.

Против закона и письменного документа не поспоришь... Что ж, пятьдесят тысяч акций – оно грозно звучит! А дивиденды очень даже скромно поднакопились за прошедшие годы: кофе попить, да за трубку на месяц положить, да за интернет заплатить. Но вот ведь странность! Эта странность никак не хотела помещаться в мою пристрастившуюся к арифметическим расчетам-пересчетам голову: мои акции, типа из расчета за каждую «старую» акцию, у меня готовы были купить здесь же, в депозитарии, но не сами «депозитчики», а фирма в том же здании, «Фондовый Элизиум», по шести рублей за штуку, двенадцать тысяч на круг. Не пять тысяч, как в письме «Серая лошадь» сулилась, а двенадцать! И я бы продал, но очень уж мне захотелось хотя бы ненадолго почувствовать себя этим... акционером, капиталистом, солидным человеком... Мне тогда фирмачи объяснили доверительно и четко: шесть рублей – цена немыслимо высокая и держится лишь потому, что поступил заказ из Москвы. И как только под заказ соберут необходимое число акций, так цена и рухнет, поскольку нет больше заказчиков, поэтому всем желающим продать лучше бы поторопиться... Ну, не хотите, как хотите, это наш телефон, адрес вы знаете, если надумаете.

И вот эта обещанная странность: месяца не прошло, как появились в газетах котировки на новые акции, взамен котировок на старые, и я немедленно запутался, самому себе не поверив! Но, уже будучи опытным, тихо, никому ничего не говоря, пошел по соответствующим конторам на месте ценники выяснять.

Грубо говоря, фондовый этот рынок оказался не в ладах с арифметикой: одна старая акция стоила на покупке шесть рублей, а одна новая, разбодяженная в двадцать пять раз, покупалась уже по пятьдесят копеек! То есть как бы по двенадцать с полтиной за старую. То есть мой пакет (мои акции назывались теперь пакет) стоил двадцать пять тысяч рублей, а не двенадцать! Почти тонна баксов!

Жадность не накормишь, поэтому я не польстился на тысячу долларов, а немедленно стал раскатывать губу пошире и подальше! День хожу, слежу, неделю, месяц... Все те же пятьдесят коп. за штуку, ничего никуда не растет... Ну, я упрямился, упрямился, да и постепенно остыл ожиданиями: есть тонняшка зелени – и есть, пусть пока в акциях побудет, на житуху повседневную и без них достаточно. Хватился через полгода – и сердце в первый раз за весь мой статус капиталиста-магната жарко застучало: треху стоит каждая акция, три рубля, а их у меня пятьдесят тысяч! Мама дорогая! Это сто пятьдесят тысяч рублей, почти шесть тысяч баксов! Даже не верилось! Пришлось пойти в депозитарий, взять новую выписку (на самом

деле – купить за сто с чем-то рублей... да, за сто тридцать в те годы, потом сто пятьдесят). Всё четко: все пятьдесят тысяч обыкновенных голосующих акций принадлежат мне и ничем, препятствующим свободному распоряжению, не обременены. Принять по трёхе – хоть сейчас!

Сумма! Это запросто хватит на апгрейд ноутбука (апгрейд – это обновление, это я уже хорошо знал), на новую трубку, на шмотки... И еще останется на какую-нибудь тачку, пусть не новую, но и не «ведро»! Я – и автомобилист! Круто!.. Я уже не шутя кроил и примеривал будущий бакшиш с продажи, плюс – у меня своих запасов поднабралось на тысячу долларов... парень я был экономный, отечественным рублям и новомодным евро, подражая житейскому обычаю тех лет, не доверял... Да. Покуражился над всеми этими домашними сметами-проектами, глядь – а пакетик мой уже не сто пятьдесят, а двести пятьдесят тысяч рубликов стоит! Месяца не прошло!

«Нет, – думаю, – ко всем дребеням! Буду ждать до упора! Если рухнет – так рухнет, а локти кусать не хочу! Подожду!..»

До упора ждать – это сколько по времени? Я этого, конечно же, не знал, не ведал, но и обезумевшим от алчности аналогом старухи у корыта становиться не собирался, ибо все-таки ориентир у меня был: жилищные квадратные метры! Рублевый эквивалент десяти тысяч долларов у меня уже накоплен, то есть, на первый взгляд, за свою жилплощадь в коммуналке на Сенной я, вроде, отбил свое, но увы... Не было отныне в Питере комнат, пригодных для жилья, которые продавались бы за вышеозначенную цену. Тем более отдельных квартир, которые в разы дороже комнат. И доллар нынче не тот уже, что был несколько лет назад, ибо он, несмотря на штатовскую официальную низкую инфляцию, словно скукожился в российском обывательском сознании, утратил волшебные свойства. Поэтому (подумалось мне тогда) я не просто рискую, ожидая дальнейшего подъема цен, но философски смотрю на жизнь: если выскочит мне сценарий «было и сплыло», то не впервой, а если... а если... Короче говоря, есть у меня шанс, и пресекать его собственной рукой я не буду. Точка.

И опять цена застыла на трех рублях, и опять устал я маяться ожиданием да и, вдобавок, увлекся женщинами и чтением. Чтением и женщинами, если соблюдать порядок значимости: романы с женщинами, конечно же, интересовали меня гораздо сильнее, чем любые другие романы, а тем более повести, но книг я прочел несравнимо больше, и пустых, и познавательных. Впрочем, об этом после. Прошла еще пара лет... и снова акции бесплатно разбодяжили, на этот раз из расчета 1: 12. Таким образом, пакетик мой вырос до 600 000 (шестисот тысяч!!!) акций, и каждая акция немного погодя уже стоила на покупке в фондовых магазинах около полутора деревянных рубликов. Дивная сумма, почти миллион! Ну, давайте, родненькие, ну, еще подбавьте ходу! Еще, еще, еще, еще, еще!.. И как только будет лимон в ценнике за мой пакет, то!.. И вот тут-то, купаясь в азарте шальных «бумажно-расчетных» барышей, я с ужасом осознал, что влип: алчность и жадность скогтили меня, они просто-напросто не позволяют мне расстаться с акциями, будут нашептывать, чтобы я подождал еще и еще немножко... лучших цен!.. А это значит, что разбитое корыто меня все-таки не минует, ибо в истории человечества еще не было исключений по результатам хождения вдоль выющейся веревочки. Умом я это понимал хорошо, но расстаться со своим имуществом, столь стремительно растущим в цене, я уже не мог! А с другой стороны, от продажи меня удерживал прочитанный пример иного назидательного свойства, с акциями пивного концерна «Балтика»: там акции росли в цене еще более круто, но не было на фондовом рынке счастливиц, которые бы за все эти годы чудовищного взлета стоимости акций осознанно удержались от перепродажи своего первоначального пакета... Мужик снимает по итоговой сделке 10: 1, то есть тысячу процентов прибыли, но радуется этому неделю, там, или месяц, а потом начинает помаленьку выдергивать волосы из собственной глупой головы: ведь потерпев немного, можно ведь было сто к одному снять... тысячу к одному... пять тысяч к одному! Десять тысяч!!! Застрелиться, н-на фиг!..

И все-таки я продал. Очень успешно продал, на самом пике роста, но опять моей заслуги в том не было, просто совпало так, просто повезло.

Это произошло еще через пару лет, не совсем спонтанно, и повод был значимый: один из крупнейших и богатейших столичных полугосударственных банков решил заглотить мой «Петростройкомбизнесбанк». Оказывается, именно он все эти годы был таинственным заказчиком скупок. И теперь, накопив значительный пакет, подкрепленный в своих позициях смывкой с центральной властью, сделал категорическое предложение группе совладельцев «ПСКББ», и они его покорно приняли. Поглощение было оформлено как слияние, то есть владелец одной акции питерского банка лишился ее и получал взамен 333 акции ТЭБ, «Торгово-экспортного банка». Либо мог отказаться от прежних и новых акций, получив денежную компенсацию, из расчета четырнадцати копеек за каждую акцию ТЭБ. Я невольно выбрал последний вариант и в итоге загнал свои почти двести миллионов акций за двадцать восемь миллионов рублей. В ту предкризисную пору это получалось, при валютном пересчете, заметно больше миллиона долларов США! Я даже подоходный налог не платил с обретенной суммы, ибо доказанно владел акциями более трех лет, то есть избежал уплаты не при помощи махинаций, а честно, в соответствии с существующим законодательством Российской Федерации.

На этом мой флирт с бизнесом завершился навсегда, потому что стезя делового человека не привлекала меня никоим образом, равно как и судьба политика, священника, менеджера, кинорежиссера, бандита, писателя, музыканта, художника, ученого, гуру, бродяги, прожигателя жизни, программиста, спортсмена, врача, наркомана, учителя, военного, кутюрье... Что я еще забыл, какие способы самовыражения?... В малярах я уже был, в дворники не хотел, в менты и в зоотехники тем более...

Купил я себе две однокомнатные квартиры – в центре города и на обочине его, оставшиеся деньги – их оставалось еще очень много по моим меркам – распределил на две части: в валютно-рублевую заначку и в долгосрочный рублевый вклад с приемлемыми процентами. Кстати, вклад – в том же ТЭБе, но заначку, примерно поровну состоящую из рублей, долларов и евро, уложил в банковскую ячейку Сбербанка, чтобы, как говорится, не держать в одной корзине. И стал себе жить-поживать, на жизнь зарабатывать... Да, да, жить и зарабатывать! Но волновал меня отнюдь не хлеб насущный... Я мог бы легко обойтись и без трудовых эксцессов, потому что процентов на «вложенный капитал» вполне хватало для удовлетворения большинства моих сравнительно скромных материальных потребностей, но погоня за дополнительным – пусть и небольшим – достатком была для меня чем-то вроде распахнутой двери во внешний мир, где полно замечательных игрушек: захотел – вышел, попрыгал, поиграл, подышал; захотел – обратно заскочил в свой отдельный домик. А мир, который обрушился на меня по факту моего рождения, был мне любопытен, весьма любопытен, остро любопытен! Кем-то из мудрых сказано о чувстве человеческого любопытства: «Утоляя – да не утоли!». Подходящая мудрость, самая что ни на есть моя: ведь уже не за горами целый тридцатник прожитых лет, но любопытство – по-прежнему одна из самых важных составляющих моего характера. И жажда постичь что-то этакое... самое главное на свете. Ну, например, себя самого, которого я не только любил привычной любовью эгоцентрика, но и... с некоторых пор... стал побаиваться.

Глава 2

Человеку необходимы излишества, поэтому в моем владении две квартиры: «основная» – двушка в Приморском районе, неподалеку от метро «Пионерская», почти рядом с третьей трамвайной остановкой по проспекту Испытателей, если считать от перекрестка с Коломяжским проспектом, хотя гораздо проще было бы сказать, что расстояние от метро до моего дома – два перегона между тремя трамвайными остановками. С тех пор как я поумнел, «апгрейдил»... или правильнее, по-русски будет сказать: «проапгрейдил» прежний свой рассудок на другой, помощнее, родилась во мне утомительная привычка: подолгу мусолить в голове те или иные фразы, мысли, образы якобы в поисках совершенства и ясности... И ни хрена толку: от совершенства я все так же далек, но зато извожу себя никому не нужными рефлексиями на пустячные темы. Да, главное жилье – это двухкомнатная квартира в Приморском, плюс однокомнатная – «филиал» – на Васильевском острове, в пяти-шести минутах энергичной ходьбы от Тучкова моста.

«Основная» – это значит, что большая часть важного для меня домашнего скарба находится именно здесь, на Серебристом бульваре: документы личные, банковские, имущественные... Еще ролики, велосипед, и зимняя одежда, и лазерный цветной принтер, и почти все «бумажные» справочники, и художественные альбомы (их у меня целых два, но ничего не выбрасываю, оба храню), и наиболее значимая для меня беллетристика, с каждым годом ее все меньше. Раньше в ценностях числились дисковые фонотека, фототека, фильмотека, но с тех пор как я перевел фотографии, всю музыку и все фильмы на жесткие диски в моих компах, а самые важные файлы, из тех, что следует хранить как зеницу ока, типа списка паролей и телефонов, угнал вдобавок «на облака», всю остальную мелочь, не столь важную, послав сам себе на свои почтовые ящики, «дивидишная» коллекция утратила стройность и значение: диски в пластмассовых «конвертах» лежат беспорядочными стопками там и сям по обеим квартирам, невостребованные, запылившиеся... а иные просто раздаю, лишь бы желающие нашлись. Кухонная утварь, постельное белье – более или менее равноценными комплектами наличествуют там и там.

Ах, да! Главный интернет – у меня их два – тоже на Серебристом, а «младший» – в квартире на Васильевском. Разница между моими интернетами – в провайдерах, в скорости доступа и в ежемесячной стоимости за этот доступ. Хотя, если честно, даже одного «младшего» мне было бы достаточно через край, чтобы шустро обеспечивать все мои сетевые прихоти и нужды, тем более что и трубка моя, смартфон, исправно предоставляет доступ в Сеть при помощи третьего провайдера, телефонного. То же самое и с жильем: в принципе, мне и одной однокомнатной квартиры было бы вполне достаточно для удовлетворения почти всех моих бытовых потребностей, да только я никак не могу забыть годы, проведенные в чаяниях об отдельном жилье, когда я по койко-местам в общагах мыкался в ожесточенных и бесплотных мечтаниях, от которых можно дополнительно сойти с ума даже глупцу, вроде меня тогдашнего. Квартира на Васильевском удовлетворила меня полностью, я там даже ремонт заказывать не стал, разве что мебелью разросся, и обои подновил, и ванну заменил на более просторную, а вот панельную однушку на Шуваловском проспекте в Приморском районе, купленную второпях, только чтобы поскорее вселиться В СВОЮ СОБСТВЕННОСТЬ (!), я чуть позднее поменял с доплатой на Серебристый бульвар, на кирпичный дом, на двушку, общей площадью шестьдесят четыре метра квадратных. Там я полюбил совершать в одиночестве, в лентяйском кураже, неспешные прогулки – из кухни в спальню, из спальни в кабинет (который я иногда именую горницей, гостиной, в котором никогда не работаю, но зато медитирую, фильмы смотрю или читаю), из кабинета в ванную... На ногах – шлепанцы, на плечах – халат, на лице – блаженная ухмылка лендлорда... Постепенно я пообвыкся существовать в личном, одному мне принадлежащем

пространстве, но даже и сегодня, гремя ключами у любой из входных дверей, подмигиваю сам себе и думаю с приятностью: дома! Один запасной комплект ключей от обеих квартир я храню в банковской ячейке, рядом с «Эн Зэ» наличностью. Гостей же я предпочитаю принимать на Васильевском, особенно барышень, и затрачиваю поистине титанические усилия, чтобы не произошло «смещения сфер»: то есть те, кто бывают у меня на Серебристом, не подозревают о существовании однюхи на Васильевском острове, и наоборот. Это несложно, я нелюдим. Одна и только одна из моих подруг знала и посещала оба этих адреса, но, увы, мы с нею горячо расстались в позапрошлом году, и теперь она живет в Новосибирске, замужем. Звали... зовут ее Ольга. Для меня Ольга и Мария – любимейшие из женских имен, уж не знаю, почему.

Я предпочитаю бриться по утрам, и очередное утро принадлежит Васильевскому острову. А это значит, в свою очередь, что бритье будет более комфортным, нежели в «гнезде» (жилье на Серебристом я прозвал «гнездом», а которое на 2-й линии Васильевского острова, отзывается на кличку «дача»), хотя бы потому, что здесь зеркало в ванной, оставшееся от прежних владельцев, вчетверо крупнее да и подсвечено лучше. О, мои надбровные дуги и челюсти, где вы?! Раньше мне казалось, что я похож на неандертальца, как их изображают в старых учебниках, разве что малообволосевшего, а теперь... не знаю. Что-то такое интеллигентское проступает в чертах лица, ненадежное этакое, нефундаментальное... Но неотвратимое. Вроде бы и подбородок прежний, и брови прямые, и конопушек на высоких скулах столько же... Сутулиться меньше стал. Пожалуй, губы стали посуше и потверже. Девушкам, да и взрослым женщинам, с которыми доводилось мне «вступать в отношения», почему-то нравится моя конопатость, умиляет она их, черт подери!.. А я бы, наверное, сам железной лопатой приголубил авторов мультфильма об Антошке-картошке, так уж меня достали эти дурацкие куплеты об убитом дедушке, все сто тысяч раз повторяемые, словно бы они вот только что придуманы во внезапном игривом озарении... Нет, никого не бью, ни лопатой, ни зубной щеткой, ни даже ботинком, смущенно ухмыляюсь в ответ, покорно пожимаю плечами, озадаченно ерошу темномедные вихры на своей голове, на худой конец прерываю песню благодарными поцелуями. Росту во мне ровно метр восемьдесят, а в старой «выпускной» мед-карточке записано, что метр семьдесят восемь. Ишь, зажать у сироты хотели два сантиметра, Гиппократы эскулаповы! Или я чуточку подрос за эти годы?

Вот иногда, приступая к описанию бурных событий, рассказчики шутят древнюю топорную шутку: «Заплутавшие в кромешной мгле путешественники, группа беспечных молодых людей, вышли на территорию кладбища, к старому заброшенному храму, от стен которого веяло запахом тлена и сырости, а за разбитыми стеклами окон тускло светились странные огоньки и слышались какие-то стоны. Была пятница, тринадцатое, ничто не предвещало беды...».

Была пятница, пятнадцатое июня, градусник в окошке браузера уже показывал 24 градуса тепла, ничего хорошего от дневной погоды я не ожидал. И не из-за того, что тепло и солнце не люблю, как раз наоборот, но просто потому, что взялся учиться катанию на роликах! С этой целью купил себе не одну, а две пары коньков на колесиках, дабы не на горбу в рюкзаке таскать по всему городу, когда мне вздумается покататься, а чтобы в каждой квартире наготове ждали.

Эх, если бы их еще под любым кустом можно было оставлять, не боясь, что украдут... Непременно украдут. Так что – без рюкзака никак, если не хочешь возле дома спотыкаться на сколиозном позвоночнике тротуара, а намерен со всею безмятежностью раскатывать по гладким и долгим асфальтовым дорожкам островов, Елагина и Крестовского... Учение шло сугубо на внутреннем энтузиазме, ежедневно, без понукал и подсказчиков, на удивление быстро, я бы даже сказал – стремительно, однако все равно устаешь с непривычки как не знаю кто!.. Тем не менее впервые в жизни примерил я ботинки на колесиках (дебютная попытка была в «гнезде», прямо на ламинатном полу), затянул на каждом три подпруги, шнурковую, пяточную-липу-

чечную, баклевою, и осторожно встал с табуретки... Да елки же палки-и! Братцы-ы! Как будто бы всю жизнь этого ждал! Д-р-р-р! Взмахнул испуганными крылами и покатился из кухни в коридор! А потом обратно! И еще раз! А из коридора в кабинет! Чуть позднее, правда, навернулся и в падении сшиб стул, чашка с чаем пролилась, но... Ощущение, что роликовые коньки созданы для меня, возникло и уже не покидало меня... Даже когда я носом газон вспахал на третьем по счету катании. Ролики – это моё!

После такого чудесного развлечения приходишь домой весь в грязном поту – и сразу нырк под душ! И заодно остужаешься... а потом напор погорячее, а потом опять похолоднее... и от этого хорошо-о-о... и силы возвращаются. Короче говоря, учиться столь энергозатратной полуспортивной забаве гораздо комфортнее при плюс пятнадцати, а не при плюс двадцати пяти, но – в любом случае приятно постигать новое. Двадцать четыре по Цельсию – тоже погода не хуже других, буду загорать на бегу, привлекая взоры барышень моим худым, почти мускулистым обнаженным торсом. Я думал, самое трудное будет научиться преодолевать на полном роллерном скаку ступенчатые препятствия, порожки, поребрики, однако выяснилось, что песчаные россыпи по асфальту куда противнее, опаснее... Чаше всего на них и падаешь.

И на мелких, с орех, выбоинках, и на цементных кляксах. И тормозить, круто разворачиваться – тоже очень непростая наука, самая сложная для меня из всего «катательного» процесса.

Пятнадцатого июня, сразу после поридж-завтрака, где-то в полдень, я погрузил роликовые ботинки в большую полиэтиленовую сумку, из тех, что продают в гигантских супер-пупер-маркетах (рюкзак, блин, забыл на Серебристом!), вышел на трамвайную остановку, ожидая сдвоенный трамвай номер 6, чтобы поскорее добраться до «Спортивной», а оттуда – подземкой – до станции «Крестовский остров», и там уже, переобувшись, умчаться на своих колесах куда глаза глядят!

Уселся я в самом конце заднего вагона, слева, почти напротив задней двери, и задумался о чем-то своем, вроде бы и с открытыми глазами, но без привязки к окружающей действительности.

Вдруг р-раз! – ментальный рывок, боковое зрение сработало! Я сфокусировал взор на причину рывка: женщина там, на улице, на переходе, стоит и смотрит на меня совершенно безумными глазами!.. Нет, вот как это было, если вспоминать шаг за шагом: трамвай притормозил в полупробке перед самым заходом на Тучков мост, а я оказался прямо напротив пешеходной «зебры». Пешего народу в том месте почти никого, кроме одной молодой женщины, зато автомобилей скопилось – жуть, как и всегда в дневное время на Васильевском у любого въезда на мост. Эта женщина стоит, ждет зеленый для себя, я ее почти не вижу... ну... рассеянным взором отличил от светофора и фонарного столба, уразумел пол, возраст – и достаточно... И вдруг!.. Словно бы пропорции лица у нее изменились из-за широко распахнутых глаз!.. Она смотрит на меня, именно на меня, ни на кого другого! И она меня... узнает!.. Во всяком случае, никакого другого эпитета-синонима здесь я подобрать не сумел ни в тот миг, ни позже: незнакомая женщина, примерно моего возраста или чуть помладше, впервые в жизни увиденная мною, смотрит на меня так, словно бы она меня знает, но испытывает шок от того, что она меня увидела и узнала!.. Я тоже смотрю на нее, ощущая сильнейшую неловкость, но стараюсь внешне этого не показывать: мало ли, ошиблась тетка... вернее, все же девица, высокая, стройная, симпатичная, ухоженная, джегинсы, кеды, блузка, панамка, сумочка... прикид не сказать чтобы сверхдорогой, но стильный, сидит на ней ладно... С такой и познакомиться бы не прочь при любых иных обстоятельствах...

Трамвай тронулся, а вслед за ним и автомобильные стада потихонечку пришли в движение... И та женщина сошла с тротуара на проезжую часть, словно бы нет на свете ни светофоров, ни знаков, ни машин... Сошла и смотрит на меня неотрывно, как замороженная, и за трамваем идет, и губы у нее подрагивают, словно шепчут что-то...

Трамвай медленно, осторожно разгоняется, насколько это возможно в автомобильной толкотне, и женщина ускоряет шаг, чтобы не отстать, чтобы... меня не потерять, на мое лицо смотреть... Побежала!.. Левою рукой сумочку к боку прижимает, правая ко мне протянута... Я в полном замешательстве, но словно бы приморожен к месту, тяжело туплю: никак не реагирую на ее действия, однако же и не отворачиваюсь... Трамвай быстрее, и женщина бежит... и вот она уже кричит... мне кричит: «Вернись! О, вернись!». Я даже обратил внимание, что губы у нее немножко не так шевелятся, словно бы не в такт звукам, а слезы льются по щекам, но крик ее довольно отчетливо слышен даже сквозь трамвайный грохот и вой большого города: «Вернись! Верни-ись!».

Жуток был этот крик, столько в нем слышалось страсти, отчаяния... и... надежды... агонизирующей надежды... А я смотрю и молчу, и пошевелиться не смею, ибо не знаю, не понимаю...

Ну хорошо. Вот что я мог реально сделать в подобной ситуации? Я эту дамочку в упор не знаю – лопни мои глаза! Впервые в жизни видел. Как мне реагировать? Личностный неадекват горожанина, живущего, едущего, работающего, спящего бок о бок с тобою – очень частая штука в мегаполисе, и надо быть совсем уж неопытным лошуклом из сельской местности, чтобы к тридцатнику прожитых лет не научиться понимать сего простейшего факта. Связываться с незнакомыми сумасшедшими на улицах себе дороже: только что ты пожалел его или ее, поддавшись внезапному приступу милосердия, а через десять минут уже не знаешь, как избавиться от свалившейся тебе на руки проблемы, и даже, того... уже готов как минимум к нанесению побоев, дабы любой ценой отогнать к чертовой матери вцепившегося в тебя психа!

Мудрость человеческая хоть и скучна, хоть и убога своею мещанской бескрылостью, но зато способна сберечь силы и нервы в типовых ситуациях, ресурсы как физические, так и душевные: не твое дело, не твоя беда, опусти взор, не замечай, не привлекай к себе внимание, не реагируй, не лезь в кошелек за копеечным милосердием, пройди мимо. Кому надо – разберутся, помогут, накажут, вылечат, изолируют, спасут... Высунул нос – обязательно прищемят, не делай добра – не получишь и зла... ну и так далее.

Она споткнулась на бегу и шмякнулась оземь со всего маху, я даже видел, как она ткнулась лбом и лицом в грубую асфальтовую поверхность... Я слышал, как завизжали тормоза, как завyli клаксоны вокруг упавшей: кому охота совершить наезд со всеми вытекающими последствиями, даже если ты прав? Лучше уж кузовные в бок или в задницу!.. Трамвайных вагонов эта буча не коснулась, и мы с ними беспрепятственно поехали дальше, на Петроградскую, но я готов поклясться всей душой, что слышал ее плач, более похожий на стон, когда она уже лежала ничком, на маленьком свободном от сгрудившихся автомобилей пятачке пространства. Я словно бы каким-то сверхзрением почувствовал ссадины и кровь на ее узких и нежных ладонях, царапинку на зарезанной щеке и две на лбу, сбитые коленки под лопнувшей псевдоденимной тканью. И ужас, и потрясение, и безнадежное отчаяние ощутил от увиденного ею!.. А увидела-то она всего лишь меня, который никогда ее не знал и не встречал, и уж никак не годится ни в сыновья, ни тем более в отцы – ни барышне этой, ни детям её!.. Братьев и сестер не было у меня, если верить интернатовским воспитанкам...

Ох, довелись мне еще раз попасть на этот взгляд, полный муки, слез и безутешной тоски – выбил бы, на хрен, стекла, выскочил наружу, обнял за слабосильные плечи... и стало бы нас двое сумасшедших против всего остального мира: сбивайте, давите, арестовывайте, лечите, ваша правота – наша с нею неправота!.. Наша с нею! Но не выскочил. Проще всего быть беспшабашным героем в мечтах и обещаниях, а в тот день я смиренным притихшим бобиком доехал до ближайшей остановки, пересел в метро, проехал под землей две остановки – от «Спортивной» до «Крестовского острова», прошел чуток по улице Рюхина до ЦПКиО, в створе улицы перевалив через пологий мост, Второй Елагин, пахнувший утоптанной жвачкой, теплым моро-

женным и сухой деревянной пылью... в дождь или на ветру он пахнет совсем иначе... А там сразу трасса начинается, специально для роллеров.

– Сударыня, ау? Спасайте: глоток водицы, минеральной с газом. Что?.. Ну, значит, я куплю всю бутылку и сам уже распределяю ее на глоточки!.. Достаточно будет полулитровой, лишь бы холодная. Благодарю вас! И... Позвольте побеспокоить просьбишкой? Здесь нет нигде камер хранения, вот досада, а я рюкзак не взял, а мне бы мои башмаки где-нибудь оставить, пока я на роликах распекаю?.. Нет, нет, нет и нет! Никаких бомб! Только вот эти две кроссовки «на манной каше», разумеется, я заплачу. Вот смотрите: только кеды и носки. Сотни хватит?.. Тогда я переобуваюсь? Как же приятно иметь дело с отзывчивыми людьми!

Толстуха наверняка и даром подержала бы в недрах ларька пакет с пешеходной обувью, сразу видно, что тетка добродушная, не мелочная, не сквалыжная, но... Гораздо надежнее ни у кого ничем не одалживаться, особенно когда нет дефицита в повседневных деньгах.

Я и секунды не колебался в выборе направления: в прошлый раз я покатился вглубь Елагина острова, значит, сегодня – направо, вдоль средней Невки, по направлению к Елагину дворцу. Я загадал про себя небольшую роллерскую примету – и не ошибся: старый чудак уже на месте, стало быть, катание будет удачным! Там, на предмостной площади, возле Первого Елагина моста, угнезвился, почти на постоянной основе (когда погода позволяет), один любитель роликовой езды, старичок лет восьмидесяти, всегда полуголый, но руки-ноги и голова в защите, улыбчивый такой, выражением лица похожий на раскаявшуюся старуху Шапокляк. И этот древний дед, почти ровесник Советского Союза, выделяет на том предмостном пятачке пируэты: едет, едет такой, вдруг почти вертикально задерет носок правого конька и начинает вращение вокруг него на один-два оборота. Потом отъедет метров на пять-десять – и опять то же самое, но на другую ногу. Кроме двух этих финтов, он никаким иным разнообразием зрителей не потчует, но поскольку посетители парка в основном вода проточная, иначе говоря, люди случайные, то и уровень восхищения стариковской ловкостью не падает, всегда примерно одинаков и постоянен: прохожие аплодируют, подбадривают его выкриками, подходят пообщаться... почему бы и нет? Старость одинока даже в доме престарелых, чем иным ее разбавишь?.. Чувак счастлив, а я за него рад: ведь он никому не мешает, ничего не отнимает...

Футболку я, как и собирался, обернул вокруг бедер, чтобы загорать не мешала – и вперед!..

На правой руке у нее, у той странной барышни с Васильевского, кольцо блеснуло, это точно. Простое, скорее всего золотое, гладкое, на безымянном пальце. Значит, она замужем... Все, хватит этих мыслей, довольно! Какое мне дело до ее семейного положения?! Лучше я поторможу на скоростях, сначала с разворотом на правую ногу, потом на левую!..

Дорожки на Елагином гладкие, в меру извилистые, достаточно широкие – именно то, что надо, а вот возле дома, у любого из моих жилищ, так не покатаешься. На Васильевском, на моей линии, для роллера вообще условия дрянь, дважды, по неопытности своей, собачье дерьмо на колеса наматывал... Ох, и вонючее оно, ох, и стойкое!.. Еще наши градостроители взяли моду: тротуары плитками замаскировать! Пешеходам-то хорошо, им удобно, а вот нам, роллерам... Типа, вынуждают нас, бесправных, вытесняют на проезжую часть... – а там машины!..

На роликах самое главное – не поддаваться на асимметрию правши: повороты, подскоки, торможения – всё должно равномерно распределяться на левую и правую стороны! Трудно поначалу следовать этому простейшему правилу, но советы и рекомендации, те, что я в Сети почерпнул, однозначно утверждают: симметрия левая и правая – это очень важно!.. Глаза у нее... серые, либо зеленые. Может, и голубые, но за этим пыльным трамвайным стеклом фиг с два рассмотришь такие подробности... Внутренним зрением тоже не домыслить: ладошку я запомнил, царапины тысячу раз видел всякие разные, все они аналогичны, а вот глаза... Не карие, не темные – это тонна шестьсот, никак не темные, нет... Да какая мне разница, елки-палки!? Может быть, я ее никогда в жизни больше не увижу, и что толку тогда вспоминать,

изводить себя черт знает чем? Хотя... если допустить, что она тоже на Васильевском живет... в этой части Васильевского острова, то вполне возможно... А тогда тем более без проблем: если будет встреча – подойти и спросить, дескать, мы незнакомы, но там-то и там-то, у Тучкова моста, в такой-то день, мне – заранее прошу у вас прощения – вроде бы показалось...

Ну, и так далее.

Финты на колесиках у меня легко выходили в тот день, особенно торможение с разворотом на правую сторону, да только радости от успехов было недостаточно, слишком мало вырабатывалось положительных эмоций, чтобы с их помощью смыть из взбаламученного сознания препротивнейшие ощущения собственной трусости и только что совершенного предательства. Но я не виноват, б-блин! Я теперь мало чего боюсь и никогда никого не предавал!.. Разве что Витьку-мента, когда мы с Людкой Кроликом... в его отсутствие... Но это было много лет назад, а здесь-то совсем другое дело, я эту распрекрасную особу повстречал впервые в жизни, вприглядку, сидя в запертом и едущем трамвае... В чем я провинился? Может, мне следовало помахать ей ручкой, приглашая бежать быстрее до следующей остановки?.. Так я спорил с самим собой на бегу и на скаку, замораживал свою совесть, утешал, обреченно понимая внутри себя, что – нет, не уболтать, не утешить, не переспорить... Когда накатывают на душу подобные бури, кажется, что они навеки поселились в груди, и вся оставшаяся жизнь протечет в метаниях, терзаниях да покаяниях, в попытках получить прощение и очищение...

Но человек не зря числится младшим братом кипплинговской обезьяны-бандерлога: стоит лишь окружающей действительности стрелнуть в тебя новым впечатлением, как от старых и следа не остается... Вернее будет сказать, они вроде бы просто отступают... Иной раз на время... Но чаще исчезают навсегда... Это почти как сны, которых каждую ночь бывает по пять-шесть, а запоминаются, оставляют след в душе хорошо если столько же, но – за всю прожитую жизнь. Сие происходит и в отдельном человеческом квазимирке, и в ноосфере: сейчас все горюют, шлют со всех сторон соболезнования и переводы жертвам немыслимого цунами возле атомной электростанции, а через неделю умиленно рыдают всей планетой над проявленной в экстремальных условиях верностью домашнего животного или, там, невесты военнотружущего... А еще через месяц недоуменно морщат лоб, пытаясь вспомнить упомянутое событие среди вороха других, столь же волнительных... Жертвы цунами, оставшиеся в живых и навеки мертвые, никуда не делись, они по-прежнему ждут: живые – сочувствия, помощи, поддержки, мертвые – погребения и памяти, однако сердцу не прикажешь: людям, социуму необходим бесперебойный поток свеженьких, с пылу с жару, сопереживаний чужой беде. Увы, никогда не угадать заранее, на кого и когда обрушится ураган общечеловеческого сострадания и, главное, надолго ли?.. Вот и я в этот день попал эмоциями из одного огня да в другое полымя. А ведь ни сном ни духом не жаждал острых ощущений подобного рода!

Елагин остров – одно из самых привлекательных для меня мест во всем Санкт-Петербурге, и это несколько иррациональное влечение, по крайней мере объяснить, обосновать его для себя я не могу, хотя, при всей моей склонности рефлексировать и сто раз пережевывать в воспоминаниях однажды пережитое, я долго пытался разобраться в природе данного предположения перед всеми остальными парками, садами, скверами, лесными и полевыми угодами... Воздух здесь гуще, что ли, а может, небо иначе расположено, лопухи не так растут, волны по воде иной формы?.. У Ницше, кажется, есть очень звонкая, разошедшаяся по сотням чужих произведений фраза насчет взаимоотношений с Бездной: мол, если ты повадился вглядываться в Бездну – то, значит, она в тебя тоже вглядывается... Не знаю, интересен ли я этому древнему острову, грозно притаившемуся под мягкой шкуркой ЦПКиО, однако меня сей кусочек пространства совершенно точно притягивает с некоторых пор, я даже и пешком люблю здесь бродить, не только на роликах. Но почти исключительно в будние дни. По выходным и праздникам с посетителей городская администрация почему-то взимает деньги, и этот возмутительный факт сильнее даже моей мистической связи с аурой Елагина острова – не то чтобы мне денег

жалко, нет, денег у меня довольно, а просто... унизительно платить, блин, за доступ к пространству своего родного города, пространству, которое не собственность отдельным людям и организациям и которое не подлежит ни захвату, ни приватизации. Да, такие дни я обхожу стороной, предпочитая бесплатные будни.

Я мчался по извилистому отрезку трассы со всей доступной мне скоростью, умеренно пыхтя, но отнюдь не задыхаясь, солнце дуло мне то в бок, то в спину, обернутая вокруг пояса футболка сместилась на бедра, поэтому капли пота горячо и беспрепятственно сливались мне под джинсы в трусы... Ладно уж, невелика беда, главное – вовремя протирать и почесываться... У!.. Йй-о!.. Первый раз за все время удалось мне тормознуть резко, с хоккейной крутизной и четкостью, разве что полиуретановые и асфальтовые брызги не полетели из-под коньков! Поперек трассы, не строго перпендикулярно, но как бы наискось, лежала узкая асфальтовая заплатка, шершавая на вид, темно-серая, почти черная, похожая на паюсную икру, обильным и не сказать чтобы ровным слоем раскатанную по светло-серой асфальтовой дорожке, – недавний след от неких небрежных ремонтных работ. А на той самой ленте, как на липучке, билось-трепыхалось, словно бы не в силах сдвинуться с места, нечто странное. Я на это нечто едва не наскочил со всего маху, но вот – успел затормозить! Аплодисменты в студию! А ноги-то дрожат... ни с того ни с сего... Я нагибаюсь рассмотреть, дрожь в коленках прячу под ладони... Глянул вниз – пусто! Как так?.. Выпрямляюсь в недоумении – оп! – в боковом зрении совершенно явственное шевеление-трепыхание!.. Уж не знаю, как это у меня получилось, но я медленно повернул голову, чтобы смотреть прямо в упор на странное место, а сам зрение напряг, словно бы сфокусировал его чуточку иначе, нежели ранее привык – и вижу!.. да, вижу: существо на месте пустого только что пространства! Серенькое, размером с... морскую свинку?.. с голубя?.. с ежика... с кошку... с ботинок?.. Зрительная невнятица, словно бы зрение глючит, отказывает... Вильнул взглядом на руки, на пейзаж – нормальное зрение, на всё, кроме...

Заверещала дудка в мобильном телефоне – мелодия «Килиманджаро», это Катя Горячева звонит – и я, теперь уж ни на миг не спуская глаз с субстанции, трепещущей в клубочке серого тумана, добыл трубку из кармана джинсов.

- Аллоу, алло, Кир! Что молчишь?
- Алё, Катён!
- Ты где?
- На Елагином, на роликах.
- А потом?
- Не, я сегодня занят.
- Ок, жаль. Чао, Кирпичик, звони, если что.

Барышня слегка обиделась. Она часто сердится на мою бесцеремонную сухость в разговоре, но что тут поделать, если Катя – принцесса не совсем моего рыцарского романа, ведь я – всего лишь эпизодический бойфренд в Катиной личной жизни, в то время как она, откровенно говоря, не вполне свободна: помимо меня имеется у нее и постоянный кавалер. Даже целых два (один типа жених, другой просто гражданский бойфренд), но порознь, инкогнито друг от друга, вот только непонятно, что будет, если они узнают о существовав. Да черт же побери! То по целым суткам никто не звонит, а тут... «Бурре», это по бизнесу звонок.

- Алё!..
- Всеволод?
- Да, я. Привет, Владимир! Как там, на Красном море?
- Добрый день. На море – все супер, сегодня утром вернулись. Ну, что там по нашим бумагам, придумал чего-нибудь? Понедельник не за горами.

– Угу. Вроде бы. Есть реальный креатив, очень неплохой, встретимся – покажу. Я черновик записки мылом сегодня же тебе зашлю, а дубликат Жене, а когда встретимся – прокомментирую подробнее.

– Ну и отлично, потому что заказчик наш созрел – я с ним только что беседовал – и уже совсем готов проплатить, но ему нужен для этого предлог. Шучу, Всеволод, не предлог, а уважительная причина, предъявленный резалт. Ну, тогда завтра увидимся?.. В полдень тебе удобно?

– Где обычно?

– Угу. И Женя подойдет, он уже набросал общий проект решения, обсудим.

– Ок.

– Ок, пока, до встречи!

Уверен, что ни Катя, ни Владимир не почувствовали по разговору, насколько я огорошен и заинтригован только что случившимся, скрытность у меня в крови.

А ведь раньше, лет семь-восемь-десять назад, было совсем-совсем иначе... Может, кровь поменялась?.. За время обоих этих разговоров я так и не отводил взгляда от странного этого биения-трепыхания и вроде бы где-то, как-то... стал что-то конкретное различать. Глаза у этого существа – есть, круглые, по типу птичьих, похожие на две бусинки бордовые... Конечности есть, покрытые то ли пухом, то ли перышками, то ли шерсткой серого цвета. И когти... и ладошки... ступнями их не назвать... маленькие, морщинистые, как у енотов... Енота я видел однажды в квартире у заказчика, где мы кухню ремонтировали... похожие лапки. Рот... рта никак не рассмотреть, в глазах плывет...

Присаживаться на корточки на ровном асфальте, будучи обутом в роликовые коньки, очень неблагодарный экспириенс для начинающего роллера, лучше сразу, добровольно брякнуться на пятую точку, но я выбрал иное: осторожно опустил на левое колено... и на правое, а ступни пошире раздвинул, «утюжком», пятки врозь, чтобы колесики задницу не пачкали. Так, наверное, рыцари в острых шпорах осторожничали, преклоняя колена перед святынями... Пот на спине высох, испарился моментально, словно и не было его, и совсем-совсем не жарко мне, но душно по-прежнему.

На ладонях у меня короткие полуперчатки – на случай падений – кожаные, плотные, пальцы, правда, открыты... и я рискнул протянуть руку... обе руки, чтобы взять в них это... живое странное... А оно от моего движения в его сторону еще более задергалось, затрепыхалось...

Я обе ладони как бы подоткнул под это существо, потными запястьями на асфальт – и тут-то меня тряхнуло, насквозь, с головы до пят, аж синие искры из глаз! Меня раньше било простым электрическим током в домашних условиях и не однажды, но «тутошные» впечатления оказались куда ярче! Блин, так с испугу и описать недолго!.. Ой-ё-й! Больно же, мля-а!.. Зато озноб исчез.

Мало того что меня шандарахнуло непонятно чем, так еще и это... существо впилося мне в левый указательный палец, укусило, типа, хотя было не рассмотреть, чем именно, да мне в этот момент было все равно. Я чисто рефлекторно сбросил эту гадость с руки, а она... оно... Оно совсем не туда улетело, куда я его инстинктивно швырнул, отшатнувшись и развернувшись!.. Шлеп! И опять на том же месте прилипло, откуда я его взял! Кровь из пальца бодренько так разбивается об асфальт крохотными черешенками, я чисто на автомате добыл гигиеническую салфетку из пакетика – пригодилась все-таки обтирка, хотя и не там, где я ожидал...

– Ну, ты, сволочь кусачая! – это я в сердцах говорю маленькой неблагодарной твари. А у самого первая стрем-реакция: вдруг это крыса-мутант, с букетом заразы на зубах?! Только этого мне...

– Сам сволочь! Извод! Не дамся! Сгинь!

Э... это... это... уже мне вернулся ответ! Она – что, еще и говорящая? Точняк мутантная крыса!

– Ну ни хрена себе!.. – это уже я откликаюсь не только эмоциями, но словами вслух... Не слишком-то и по-умному реагирую, да хорошо, хоть вовсе не остолбенел. – Ништяк, блин: я ей помочь хотел, и я же сволочь! Ты кто, энэло, что ли? Горгулья, эльф?

Странное существо продолжать диалог не стало, но зато принялось противно верещать:

– Ой, пропадаю! Ой, притка! Ой, погибаю! Ой, знобуха!.. Ой, не хочу!..

И я действительно ощущаю: да, страдает, и погибает, и сейчас пропадет совсем, если ей... ему... не помочь. А как? Я попытался и – в знак благодарности от этой мелкой острозубой гадины – тяжело ранен в палец! И опять у меня чуткость зрения скакнула на ступеньку вверх: эта асфальтовая заплатка, след ремонтной трассы поперек дорожки, совпадает по направлению с неким странным свечением... голубоватого оттенка... Сие свечение – тоже вроде дорожки, только поуже будет роллерской трассы, она в полметра шириною... имеет непонятную толщину... и плохо видима, приходится все время промаргиваться, чтобы эта светящаяся полоса оставалась зримой. Вау! Точно: подлая гадинка, цапнувшая меня за палец, мало-помалу как бы уходит в это свечение... То есть вроде бы прилипло к нему, но в то же время... уходит в голубую полосу... поглощается ею... Противное верещание все тише, слабее... Не вспомню, что меня торкнуло сделать повторную попытку, быть может, еще совсем свежая память о трусливой мудрости в трамвае, но только я опять свел обе ладони в единый ковш и подчерпнул ими это невнятное существо.

И опять меня звездануло от асфальта неведомым током по башке, по сердцу, по позвоночнику, по... одним словом, очень, ну очень удачно, что в тот момент я не испытывал нужды в отправлении естественных надобностей... Тем не менее, как ни странно, второго удара я испугался куда как меньше да и опомнился быстрее, почти мгновенно... Гораздо сильнее меня заботила судьба уже прокушенного пальца и целостность оставшихся.

– Только не вздумай кусаться, шушера эльфийская, а то сам тебя раздавлю, на фиг, мне Гэндальф не указ!

Но существо уже и не пыталось меня цапнуть, оно обвисло у меня в ладонях и тихо, без слов, верещало, словно стонало... Фыр-рь – справа по самой границе бокового зрения вспорхнула неведомая птица!.. Оглядываюсь – нетопырь, что ли?.. Впрочем, в зоологии я примерно так же силен, как в орнитологии палеогена. Вспорхнул – и тоже ведь норовит уйти в незриемость, аж глаза от усилий заслезились!.. За первым нетопырем, второй, третий, потом еще... Словно небольшая стая громадных комаров. Мелькают вокруг на краю восприятия, но в контакт не вступают. А вполне возможно, что я брежу.

– И куда мне теперь податься, с черт знает кем на руках? К мусорной урне или в ветле-чебницу?

– Ы... ы... в воду брось. Или сам сожри, мурина поперешная, а тем не отдавай.

– Чи-и-во-о-о??? – Честно говоря, я задавал вопрос о последующем порядке действий сугубо риторически, ответа ни от кого не ждал, даже от себя, а тут... По-прежнему бессильно лежит в моих ладонях невесомая тушка непонятно какого роду-племени, но издает – на этот раз я точно слышал! – осмысленные звуки вполне даже человеческой речи. Говор, правда, странноватый, как бы диалектный, типа народов Крайнего Севера, с нажимом на букву «о»...

– В проточную меня, слышь, хоть на луду, только в протоку, не в лужу! В луже пропаду.

Ладно, рассуждения на потом, удивления на потом, надо воспользоваться вдруг восстановленным информационным каналом:

– Почему именно в воду? А утонешь? Тебя как звать? Дюймовочка?

– Бросай, пустого не шлапачи. Днем они воды боятся, по реке уйду невредима.

– Да не вопрос, если настаиваешь, брошу с размаху, как Муму, согласно пожеланиям заказчика! Могу даже камень к шее привязать.

Насчет шеи я соврал, потому что не рассмотрел ее и не нащупал, да и вообще... Главное не сойти с ума, сохранять критичность восприятия: предположим, я брежу, но я осознаю, что я брежу, стало быть, не безнадежен. Вода как таковая – вон она, в пяти-шести метрах от меня, но это не протока, это нечто вроде звеньишка в цепочке внутренних прудов Елагина острова. Чтобы просьбу исполнить, в реку бросить – это нужно метров двести пятьдесят или триста прокатиться, туда или сюда: вперед или назад. Решил вернуться... с этим... на вытянутых руках. Согласиться-то со странной просьбой я согласился, но в роликовых коньках не слишком козырно спускаться для ее выполнения к воде по травяному откосу. Хорошо бы переобуться или хотя бы ролики снять, роллерные носки снять, босиком намного удобнее... Но обе ладони у меня были заняты, выпускать же из рук это существо я побоялся. Ей-ей, всё развивается, словно в неведомой сказке, в которую я внезапно проник! И нетопыри тут, и неведомый электроток, и говорящая теребень полшерстистая... И народу, само собой, вокруг ни души. Нет, люди-то есть, но они все не в теме, они далеко, поэтому не видят, не вмешиваются.

Доковылял я кое-как, не снимая коньков, до водяной кромки, обутой вдоль всего берега в невысокий гранит, оглянулся: слева мост, справа мост, оба достаточно далеко, людей по-прежнему немного, и все на порядочном расстоянии, заподозрить меня в сумасшествии некому, что уже приятно обнадеживает.

Крохотная заводь за гранитным бордюром гладко лежит, вся в полукольце из мусора и пены поверх отодвинутой мелкой волны, словно брандмауэр с облупившейся штукатуркой по краям. Неглубокое мутножелтое дно, по нему реденькие водоросли зловеще колышутся, словно хищные щупальца, но вода относительно чистая.

– Ну что, бросаю?

– Бросай, бросай, сволочь, не томи, не декуйся!

Вот те раз! Спасителя своего – сволочь! Да если я еще когда-нибудь, кому-нибудь, по любому поводу протяну, как последний болван, руку помощи, то пусть у меня на лице и на спине вместо конопушек...

– Н-на!.. – подкинул я сдвоенные ладони вперед и вверх и проморгнуть не успел – исчезло существо, даже и не булькнуло нигде. Оборачиваюсь – гигантские полупрозрачные комары-нетопыри тоже словно растворились в солнечном свете. Фук – нет нигде ничего никакого сказочного! И если бы не мой надкушенный пальчик... Осматриваю левый указательный палец – есть след, но мелкий, вроде бы и не укус, а короткая царапинка – пунктирная, в две точки, похожая на глазки от смайлика... И кровь не течет. Содрал с ладоней перчатки, осматриваю внимательно – на левой есть следы крови, на правой нет. То есть укус был, а значит – и всё остальное было. Две маленькие крохотные точки. Чешутся, но чесать не буду, потерплю, быстрее пройдет. Вдруг это был переодетый вампир? Типа, вампира спас, а тот меня, в знак вампирской благодарности, одним предательским укусом в «свои» оформшил! Фильм «Сумерки»! Бу-э-э! Сразу захотелось блевать. Нет, не буду этого делать, потому что утреннюю овсянку жалко, овсянка – она полезная, пусть усваивается, а укус, быть может, вовсе и не вампирский.

Вода в Средней Невке покорно течет в заданном направлении, солнце обыденно светит, на противоположном берегу коттеджи нерушимо стоят, всем своим внушительным видом доказывая городу и миру, что никаких чудес, кроме рукотворных, немалыми деньгами оплаченных, не бывает... Рыбак слева от меня в метрах семидесяти, с двумя удочками, наверняка ничего не видел и не слышал и – тонна шестьсот – не поверил бы в мои сбивчивые рассказы о спасенной гадости, умеющей разговаривать человеческим русским языком. А сам небось о золотой рыбке мечтает. Но я парень вменяемый, разумный, я четко понимаю, что не далее как несколько минут назад стал свидетелем и участником подлинного чуда, не меньшего, чем говорящая золотая щука, сказочного, мистического, ирреального... Но если оно случилось – при чем здесь ирреальность? Это уже реальность среди обыденности, обычная сказочная мистика. Проверяем по пунктам. Палец чешется до сих пор? Чешется! Я за каким-то хреном изгваздал

ходовую часть роликов в мягком травяном грунте? Э-э, нет, вроде бы не изгваздал! Ура! Но все равно, с травы прочь!

Очнулась-пробудилась моя привычка разбивать проблемы и задачи на отдельные последовательные кусочки, поэтому план дальнейших действий рождается почти что сам собой: а) бегом к тетке за моими «айглами», кедами на рифленой подошве, б) переобуваюсь, в) возвращаюсь на ту дорожку к той странной линии, дабы все внимательно осмотреть и г) вполне возможно, разыскать вразумительный ответ по происшедшему.

Так я и сделал. Но подобно тому, как шустро затягивалась ранка на укушенном пальце, столь же быстро тускнели и мои впечатления от только что испытанного чуда... Вроде бы уже и возвращаться на то место неохота... да и зачем... Шалишь, госпожа трусливая лень! Чувство любопытства – оно будет посильнее тебя! Не настолько же я осёл, чтобы отказываться от исследования самого настоящего чуда! Где оно случилось: в реале или в моих воспаленных мозгах – это уже второй вопрос, а первый... Ага, неподалеку от трансформаторной будки это было... вижу. Возвращаюсь к асфальтовому шраму на дорожке – а куда пропало голубоватое свечение??? Простой асфальт передо мною, двух видов: один узенькою полосой и потемнее, другой широкий и серый. Всё. Но мне очень уж не хотелось лишать себя ощущений человека, прикоснувшегося к волшебной тайне, поэтому я попытался использовать только что приобретенный опыт настройки дополнительного зрения – и у меня вновь получилось! Милосердные боги! Если бы кто-нибудь видел в этот момент, как я сжимаю кулаки, вытаращиваю глаза, кажилось, словно бы пытаюсь преодолеть запор, не снимая штанов... Потеха, должно быть... В Третьем «Дьяболо» варвар примерно таким же способом распознает свойства редких вещей, ну очень похоже... Есть! Слабенькое такое свеченьице, на самом краешке зрения, но я его углядел! Дерзать – так дерзать: правую ладонь сую в полуперчатку и осторожно, памятуя о двух встрясках, кладу на асфальтовый «шрам»... Ноль эффекта. Вроде бы и ощущаю слабенькое покалывание в кончиках пальцев, а вроде бы и не ощущаю... Никаких летающих и трепещущих существ, тарелок, демонов не вижу, не чую, не обоняю... Но свечение – точно есть! Вот она, полоска, идет поперек трассы, сквозь ближайшие деревья и кустарники... дальше не рассмотреть. Времени сейчас... четверть четвертого. Ого, как время быстро идет: субъективно я ощущал себя в районе половины третьего, никак не позже! Пора домой, пить-кушать. Поеду в «гнездо», в резиденцию, на Серебристый... как и собирался, потому что стиральную машину задействовать пора, еда в холодильнике уже почти готова, достать и сварить, фумигатор против комаров не нужен, комары только на Васильевской «даче» донимают... Решил и тут же поймал себя на мысли: это я потому так перед собою оправдываюсь, чтобы сегодня на Васильевский не возвращаться, мимо того самого кошмарного места не проезжать... Подумал-то с горечью, но тут же подловил себя на следующей мыслишке: о, дескать, как оно бывает! Вспомнил о странной барышне перед Тучковым мостом, и словно ветром выдуло мысли о трансцендентных переживаниях недавних минут... Одно вытесняет и замещает другое, вместе не уживаются. Да, похоже, что с мультизадачностью у меня в башке от дебильных лет и по нынешний день сохранились траблы: иначе говоря, не способен одновременно думать о разном... Кстати о мостах: после катаний переобуваюсь я обычно перед Третьим Елагиным мостом, памятуя о том, как едва не расшибся о металлическую створку ворот, разогнавшись на сходе с него. Но в этот раз я переобулся заранее, потому что... потому что...

Да что за дела! Ёкарный бабай! Что со мною происходит??? Подобно тому, как таинственная бледно-голубая полоса пыталась выскользнуть из моего поля зрения, так и мысли мои категорически не желали собираться в кучу, разъезжались в полном беспорядке по коре и подкорке... Словно сонная одурь в меня вцепилась! Зачем я здесь? Кататься на роликах. Почему ролики не на мне? Потому что я их снял, причем задолго до подхода к Третьему Елагину мосту. Почему я так поступил? А... захотелось так. И захотелось потому... что в роликах неудобно... неудобно... неудобно осматривать место, блин, где я видел странное свечение и

странное существо! Которое прилипло к странному свечению и которое – существо – я выбросил собственноручно в речную воду!.. По его просьбе, да. Оно оказалось говорящим! Вот как оно все произошло! И про случай в трамвае не забыл я... но отложил впечатления в сторонку – те, предыдущие, в сравнении с этими, дабы ничто не мешало мне... попытаться понять эффект вдруг проявившегося странного свечения. Итак: я помню про ДТП у Тучкова моста, помню свечение, помню говорящее существо... Помню свечение и вижу его!

Ф-ф-у-уххх! Не то что лоб – спина опять взмокла от усилий думать последовательно и четко, мысли вязкие – аж шею сводит, да я от роликовых марафонов так не уставал!

Есть свечение, убедился. Дальше что? Ничего потустороннего марсианского вокруг не шевелится, не летает, не пищит и не трепещет, пейзаж будничный.

Новых впечатлений сейчас уже в сознание не вогнать, лень тут ни при чем. Домой, надо идти домой, а там пожрать вволю, не то сердце и мозг лопнут от усилий... И приличнее будет футболку все-таки заранее, на выходе из парка надеть.

Очень тяжело было брести пешком до автобусного кольца к Старой Деревне, в руке не сумка, а гиря двухпудовая, асфальт плавится, воздуху нет... Но, даже еще не успев сесть в маршрутку, я как-то так оклемался, опомнился... Силы ко мне вернулись, телесные и душевные, пусть не все, но достаточные, чтобы я не поленился зайти в лабаз (в моем же доме расположен) за кетчупом и хлебом. Заодно и персики взял, с полкило: мне с некоторых пор очень понравились персики, но не традиционные шарообразные, а как бы сильно сплюснутые с полюсов, желто-розовые, видом своим – весьма прикольная пародия на роликовые колесики. Колеса, кстати, надо будет проверить да и протирочку им подарить, хотя бы самую поверхностную. А рюкзак впредь не забывать, чтобы с сумками в руках не волохаться, не домохозяйка, чай!.. И вообще постараться ничего не выпускать из памяти, слишком уж чудны события последнего дня! Надо поесть, поспать... с полчаса... а потом уже размышления о происшедшем, с планшетом в руках, чтобы сразу «на карандаш», чтобы ни одна, даже самая скудная мыслишка не... Ключи. При мне. Дома. Тихое ура! Пить! Есть! Спа-а-ать...

Так я и сделал, строго по намеченному плану, но сначала принял душ. Привычный размеренный холостяцкий быт окончательно вернул мне бодрость и душевное равновесие: сегодня я решил питаться заранее припасенными дарами из холодильника, запросто: сардельками из говядины, отнюдь не заморачиваясь всякими сложностями типа салатов и первых жидких блюд. Сардельки отварить, кетчуп превратить в соус, усилив его четвертинкой луковички, капель майонеза и липким комочком полузасохшей горчицы, цветом и консистенцией... весьма похожей на... тьфу, н-на фиг, ни на что она не похожа, горчица и горчица! И пахнет только горчицей, в смысле, уксусом! Взболтать, непременно взболтать, дабы ингредиенты перемешались равномерно. Горошек в банке из холодильника – прямо в сардельки, всё очень даже эргономично: сардельки слегка остудятся, а горошек согреется! И с хлебушком, и под апельсиновый сок!

Я подолгу, бывает, что и до утра, бодрствую в ночное время суток, но зато люблю спать днем: буквально полчаса подремлю – и бодр, весел, жизнедеятелен, умён!.. Да, с некоторых пор я понимаю, что умён, пусть не всегда, пусть реже, чем хотелось бы... А вот дураком я ощущаю себя несравнимо чаще, нежели десять или пятнадцать лет назад, ибо тогда я этого хотя и не чувствовал сам, но здесь и в остальном почти всегда верил на слово окружающим меня людям. Теперь – словно бы всё прежнее вывернуто наизнанку к прежнему: то и дело спотыкаюсь о собственную интеллектуальную несостоятельность, ничтожность, но зато в значительной мере утратил доверие к словам и поступкам окружающих меня людей: не обманут – стало быть, схитрят, не схитрят – значит, добросовестно ошибутся, не ошибутся – так умышленно смолчат, не смолчат – все одно: из жалости либо из вежливости покривят ободряющими фразами... Общаясь с человечеством и его представителями, лучше всего стоять анфас, а не в профиль, не подставляясь ни спиной, ни даже боками, чтобы ушки на макушке, чтобы полная боевая

готовность, тогда и люди будут охотнее разворачиваться к тебе светлой и честной стороной своего гуманистического Я.

Планшет у меня самый модный, третья версия в линейке, довольно дорогой, игрушечка – закачаешься! Невероятно удобная и прикольная! Но вот беда: не так-то просто придумать планшету собственную нишу в моем житейском быту, потому что я, по большому счету, и без этого девайса укомплектован по самую ватерлинию: ноут, десктоп, трубка... Есть еще плеер и телевизор, но я ими пользуюсь совсем уж редко. Телевизор пора выбрасывать. Поселился во мне и живет с недавних пор, словно глист, отчетливый потребительский зуд: электронную читалку завести! И я бы завел, нет оперативных проблем ни с деньгами, ни с доступностью приглянувшихся мне моделей, но... не хватает ума придумать – зачем она мне, для удовлетворения каких потребностей, кроме голимо покупательских? Не втиснуть ее никуда, нечего мне делать с электронными читалками, потому что в домашних условиях я либо живу книгу читаю, либо файлы с больших экранов, либо с того же планшета... А в городе, в дороге... В транспорте я не читаю ничего, ибо размышляю, привык думать и люблю это делать... чаще всего – безрезультатно. Но если и захочу почитать в метро, опять же, есть у меня для этого гораздо более навороченный гаджет – планшет, он позволяет и писать, и читать, и рисовать, и даже мелодии натренировать. Любая читалка в сравнении с ним – что «Запорожец» против «Бентли», а внутренний голос все одно бубнит: читалку тоже бы надо, она заряд дольше держит... «Какая чушь!» – укоряю я сам себя, и это до сих пор помогает мне воздерживаться от ненужной обновки. Вот и сейчас: развалился в кресле с планшетом на руке, без халата, в одних трусах, а сам пополняю открытый текстовый файл всяческой чепухой:

- а) феномен, который на Елагином, имел место быть;
- б) случай у Тучкова моста имел место быть;
- в) эти случаи не связаны между собой;
- г) вряд ли они связаны между собой;
- д) можно ли придумать хотя бы гипотетическую связь между этими случаями?
- е) поведение ранки – странное, быстро заживает;
- ё) одурь на острове, по типу сонной, была;
- ж) со зрением у меня что-то не то: либо глюки, либо паранормальные способности;
- з) со зрением – смех смехом, но вторую альтернативу также придется проверять;
- и) проверить реакцию организма на «кислотность»: вдруг я ненароком, например, через газировку или овсянку, получил дозу ЛСД или каких-нибудь грибочков-галлюциногенов;
- й) ой, бли-и-н! Владимиру и Жене записку надобно отправить!

Это уже забывчивость совсем иного рода, отнюдь не волшебная. Закрывай файл на этом месте! Вечером вернешься к пунктам «к», «л» и так далее! Вперед!

Никогда раньше не поверил бы, что я могу добровольно захлопнуть в своем сознании папочку с подлинными чудесами только ради того, чтобы открыть другую, до краев напичканную скучными, нудными файлами по государственному и негосударственному пенсионным фондам Российской Федерации... Но истина именно такова: ребята ждут от меня лепты, идей, да не пустой маниловщины, а конкретных мыслей, реализация которых позволит конвертировать затраченные усилия в заработанные деньги. От этих денег я бы отказался без ущерба для домашнего бюджета, их и в целом не так уж много, а моя доля и вовсе невелика, но мне интересно генерировать идеи, давать советы, силою разума преодолевать возникающие проблемы в самых различных областях чужого человеческого обывания... У меня нет большого, всеобъемлющего смысла жизни, такого, чтобы до одержимости, чтобы за него на костер или под танк, но жить нравится мне, жить – это любопытно.

А чудеса от меня не уйдут, никуда не денутся, душа моя дрожит вся в нетерпеливом ожидании мешка с подарками от Снегурочки и ее дедушки, но полностью сохранила здравомыслие и напевает на ушко: закончилась одна эпоха твоего бытия, начинается другая. Совсем другая,

Кирпичик! Чудесная, волшебная, мистическая, таинственная, многообещающая!.. Вот только будничным рекламный слоган – будь уж так добр – обточи сегодня и, плюс к этому, поставь пред взором своим прямо сейчас текст бизнес-плана и резюме, еще и еще раз их отредактируй, чтобы никого своей ленью и забывчивостью не подвести. Люди на тебя рассчитывают. А с чудесами – с чудесами будь предельно осторожен! Помни об укусах и прочих неожиданностях: пальцев у тебя двадцать, а голова одна.

Глава 3

Параноик! Не будь беспечен! Мне по опыту предыдущей жизни подобные мудрости совершенно излишни, поскольку беспечностью по любому поводу с детства не страдаю, а сегодня и сверх того жутковато ехать на Васильевский остров, выходить по Кадетской линии на предмостную площадь к Тучкову мосту, выполняя данный самому себе строгий наказ: там, на месте, еще раз осмотреться, только уже не из окна трамвайного вагона, а с точки зрения пешехода, как бы незримого спутника той странной барышни... Топографически проще было бы пройти обратным путем, от метро «Спортивная» через мост на Васильевский, но идти по открытому пространству и, начиная от середины моста, от самой верхней его точки, пытаться высмотреть намеченное издали, постепенно приближаясь... нет, нервы не позволили. Поехал, конечно же, выполнил честно, с усердием. Не на следующий день, но тем не менее... Позорно мандражировал... Меня буквально трясло от непонятных, не изведанных ранее переживаний... То ли я стремался увидеть на асфальте меловые контуры тела, то ли психовал по другой, не до конца осознанной причине... Я даже сводки происшествий того злополучного дня изучал, преодолевая унижительный страх, через силу, терзая мышь и бия по клавиатуре потными трусливыми пальцами... К счастью, не нашел ни контуров, ни следов дэтэпэ, стало быть – не было там смертей. Значит, она жива и... и там видно будет, а пока – забыть. Забыть. Но помнить.

Психологически несравнимо легче было навестить Елагин остров, теперь уже без всяких роликов-коньков, налегке, дабы и там поискать следы еще одного пережитого приключения. Вместо рюкзака – плоская сумка-планшет через плечо, а в сумке записная книжка с карандашом, мобильная трубка, увеличительное стекло и нож. Нож хотя и столовый, но прочный, хорошей немецкой стали, с удобной рукояткой... мало ли что меня ждет впереди... Кошелек с налом и кредитка – на теле, точнее, в левом переднем кармане джинсов, ключи от жилья – в правом кармане, их я сумке не доверяю. Иду, такой, по асфальтовой дорожке, сверяю памятные приметы: здесь повернуть, здесь прямо и до самой ивы, потом согласно указанию желтой «роллерской» стрелки... Справа от меня должны быть видны воды внутреннего водоема, где-то сзади вспомогательные строения... Чем ближе, тем сильнее меня разбирает жуть, но не та, что у моста на Васильевском, от которой горький ужас до корней волос, а иная, отнюдь не страшная, с которою надеешься и предвкушаешь, как на просмотре фэнтезийного блокбастера. Тем не менее, надеясь и волнуясь, я был почти на сто процентов уверен, что обломаюсь в своих чаяниях и ожиданиях, что никаких голубоватых линий уже не замечу...

Полдень давно миновал – и циферблатный, и солнечный, а я даже чаю не пил, только стакан кипяченой воды поутру, именно для того, чтобы случайно не попасть в «грибные эльфы», иначе говоря, чтобы не допустить неучтенного ввода в организм всяких там псилобицинов-галлюциногенов.

Я увидел голубоватое свечение даже раньше, чем темную асфальтовую заплатку поперек трассы. Висит, такое, над землей, невысоко, в сантиметрах пяти... или десяти... где-то и ниже... Елы-палы! Опять словно глюки в зрении пошли, от них резкость изображения плывет, да еще и ландшафт весь в буграх и травах, а линия, которая лента, свечение, ровно лежит... висит... струится... в данном случае – наполовину в асфальт зарывается... Хрен поймешь, как именно охарактеризовать ее поведение... Короче говоря, под ландшафт лента сия почти не подстраивается, скорее наоборот.

Подхожу, фокусируя взор усиленным промаргиванием, присаживаюсь на корточки, обтираю об футболку трусливый пот с правой ладони, приготовленной для экспериментов... Нет, погоди-ка! Не хочу, чтобы поблизости кучковались толпы зевак, да и толпу не люблю. Встал, осматриваюсь – порядок: на многие десятки метров вокруг относительно безлюдно, можно

продолжать, не стесняясь мыслью, что тебя могут принять за «додика», за психически неполноценного субъекта... И опять на корточках. Проснулся полуденный ветерок, заерзал туда-сюда по невысокому частоколу елей и берез, от невидимого за деревьями и кустарником павильона-стекляшки потянуло восхитительным запахом тлеющего древесного угля и шашлычного мяса... небось, общепитовское, типа размороженной свинины...

Впервые как следует рассмотрел я свежераскатанную полоску «заплатного» асфальта, видимую прямо сквозь голубоватую ленту, ибо та была прозрачна, хотя и подкрашена. Асфальтовую темную полосу окаймляли с обоих боков еще более темные узенькие полосочки, глазенские, видимо, с дополнительным содержанием смолы...

– Ну, Кирпич?.. На хрен она тебе сдалась, полоска вместе с ее оттенками!? Клади ладонь, чего уж тут менжеваться!?! – Я разговариваю сам с собою довольно часто, а вот Кирпичом себя именую изредка, только для храбрости, когда жизнь вдруг припрет и требует резких немедленных решений... У древних есть поговорки на все случаи жизни, считается, что с ними легче. Вполне может быть.

«Когда Страх побеждает ум – это трусость. Когда Ум побеждает страх – это отвага. Что же такое бесстрашие? Это совместное бегство с поля боя ума и страха!»

Была не была!

В первые мгновения – вообще ничего сакрального или волшебного. Твердая корка асфальта осторожно и небольно ткнулась в кожу... Потом словно бы легчайшие покалывания-искорки в местах соприкосновения, только не понять, от голубоватой ленты сей эффект или от бугорков асфальтовых?.. Потом – явственнее пошли сигналы... четче... ярче... О! Я их узнал, эти ощущения, но они переменились! В тот раз как было: шарах тебе по мозгам, словно высоковольтным током, всего сотрясло, сквозь руку и до самых мозгов – впору обмочиться прямо в штаны! Только ясно-понятно, что это не электричество, удар током – он тупее, он – как мертвая дубина по живому телу, а здесь... Да, да, я узнал ощущения, будто бы внутренним зрением обнаружил знакомый предмет, но этот предмет вел себя иначе! Тогда он оттолкнул меня, раз и другой, весьма грубо, по типу – дал здоровенного пинка: «Пшел вон!», а сейчас – притягивает... приглашает... Ощутимо так подтягивает... Я напрягся, выдернул ладонь из свечения... потом одолел внезапно прихлынувшую тревогу и по новой сунул в него всю кисть... И опять свечение словно бы поманило к себе... нехорошо поманило... нетерпеливо... «Иды суда, малчик, иды с'карэе, к'анфэта дам!...» Я дерг-подерг – не слушается рука, прилипла! И не к асфальту – теперь-то уж я это хорошо чувствовал и осознавал – к ленте приклеилась!.. Я запаниковал и всполошился. Предвкушение кинематографических чудес мгновенно поменялось на предчувствие большой и окончательной беды. Я даже ойкнул про себя, но один раз, молча, без видимых трепыханий, без суеты, ибо давно уже усвоил для себя в моей небольшой, но извилистой жизни: сплоховал, слоховал – получи в бубен! Испугался – совсем пропал. Выучка сия заменяла мне в детстве и отрочестве разум, не то чтобы во всем и с равным успехом, но позволяла – даже мне, дураку – не падать в самый низ социальной интернатовской лестницы. Признаю, стоял я на тех ступеньках отнюдь не высоко, но стоял, а не ползал, пресмыкаясь.

– Да хватит уже!!! Ну-ка!..

Сгруппировался я, сидючи на корточках, напрягнул те мышцы, в руках, плечах и на корпусе, которые меня все еще слушались, да ка-а-ак дерну!.. И отпустила меня лента, а я – бряк на задницу, на копчик!.. Ладонь занемела, а копчик поочередно то болью пульсирует, то мурашками... Дышу. Жив. Не знаю, долго ли бы я там рассиживался да рыжими ресницами хлопал, челюсти безвольно раззявив, но вижу – идут в моем направлении от стороны дворца три чувака в оранжевых жилетах на голое тело, железно-механическую дребедень на себе тащат... А с противоположной стороны катит, за руки держась, юная роллерская парочка... Только любопытствующих взоров да расспросов мне и не хватало для полноты впечатлений!

Ну, я встал, стараясь не кряхтеть и не хромать, да и побрел прочь, не способный ни о чем постороннем думать, кроме как о синеватой липучке, в которую меня едва не затянуло только что. А ведь затянуло бы! Я слышал ее зов! И тот хамоватый хмырек непонятной природы и пола, которого я давеча освободил и в воду, в луду бросил – тоже едва не погиб на загадочной полоске. Луда – это мель, я по Сети проверил, это забытый старинный русский диалектизм не помню уж какой губернии. Отковылял я шагов на тридцать от странного места и стою, такой, оживаю, природой люблюсь, белок якобы высматриваю, а сам зырк-позырк на парня с девушкой и на работяг. Рука все еще онемелая, глаза в кучу, копчик ежесекундно словно вскрикивает от ушиба, но мне пока не до страданий, я смотрю, преодолевая расфокусировку во взоре, туда, на эту прожорливую субстанцию... Роллеры свернули, не доезжая до голубой липучки, по другой трассе укатили, а работяги прошли поперек свечения – и хоть бы что им! Никто из них и никак по этому поводу не среагировал! Может, они резиновыми сапогами экранированы были? А может быть лишь голая плоть может с клеящей голубизной контактировать?.. Но возвращаться к той линии, чтобы дальше изучать, проверять и экспериментировать, я не пожелал – очень уж слабость на меня накатила, вплоть до одышки, аж в глазах рябит да мерцает. Даже страх мой словно бы обессилел, вместе с мышцами и дыхалкой... Словно бы выпила из меня Линия та полведра жизненной силы, взамен оставив дрожащие конечности, пыхтение и ушибы с мурашками. Я не знаю, что такое старость, потому что сам относительно молод, но вот что такое молодость, здоровье, жизнь – вполне способен прочувствовать, как, например, в тот день, когда я по доброй воле чуть не оказался съеденным этой странной энергетической мерзотностью.

Иду, плетусь, такой, едва переставляя ноги... оп! – вроде, отдышался слегонца... оп! – коленки перестали дрожать... Да, да, да, ура: возвращаются силы в организм, еще не дотла изъеденный солидным, почти тридцатилетним возрастом и скромными дурными привычками, главная из которых – страсть к хорошему бараньему шашлыку под остреньким сливовым соусом! Как только перешел через Третий Елагин мост – вполне себе ожил: руки-ноги слушаются, копчик успокоился, жрать хочу неимоверно! Вот ведь дрянь оказалась! И никакая она не энергетическая... В голове словно бы само собой всплыло полужнакомое словцо: аура, очень уж оно подходит атмосфере Елагина острова! Всплыло и осталось. Ну и ладно, пусть аура, мне без особой разницы, как именно величать тот людоедский эффект, но... Но. Что с ним делать-то, с эффектом-феноменом? Продолжить изучение – теперь оно по-настоящему жутковато будет, номер-то без балды, в натуре смертельный. Забыть не получится: мое любопытство к окружающему миру как проснулось однажды, вместе с разумом, так и бодрствует годы напролет, аппетиты же у него в миллион раз поболее, чем у этой «синюхи» и у моего желудка вместе взятых! Стало быть, выход один: изучать, обязательно изучать, безусловно изучать и исследовать – однако с превеликими предосторожностями, не прилипая!

Выхода на самом деле два: изучать и не изучать, но если руку я кое-как высвободил, то мозгами к увиденному прилип уже намертво, бесповоротно: познание, постижение сущего разумом – это единственный на свете наркотик, на который не жалко и подсесть, вот я и подсел... Выбор сделан, брат Кирпич, но при этом помни, Кирпичила: шустрить, не увлекаясь, не теряя бдительности и никого не посвящая в это дело – ни Катюху Горячеву, ни Леночку Хвостика, ни Жеку Рухимову, барышень, с которыми я периодически дружу... И уж тем более не Владимира с Евгением – эти, выслушав, сразу бы поняли про меня, что я уже больше не боец, что я крышей потек, несмотря на мою креативность и наш удачный разговор с заказчиком в минувший понедельник. Ребята они хорошие, отнюдь не с черствой душой, тем не менее прагматики, а не меценаты и не сестры-сиделки. Может, еще и посочувствовали бы напоследок... но – сантименты пагубны для бизнеса.

Где-то я слышал забавную поговорку: «Пью в одиночку – и только воду!». Чисто обо мне: почти не пьющий и не очень общительный, поэтому без посторонней помощи управляюсь со своими замыслами и невзгодами... Пытаюсь управляться.

И вернулся я к себе на Серебристый, и поел, и поспал, и в Сети поболтался – все хорошо в настоящей жизни, единственное, чего мне дополнительно хочется от бытового грядущего, это когда-нибудь жениться, желательно по любви, создать семью, обязательно завести троих или четверых детей... Но это стратегическая мечта, а тактически, в ближайшей перспективе – разобраться с «липучкой» на Елагином и... и... и... Я хочу найти ту дамочку и... Да просто я хочу ее найти и убедиться, что с нею все в порядке. Увидеть ее лицо, хотя бы издали, будучи сам неузнанным и незамеченным, а лучше бы с близкого расстояния заглянуть в глаза... и тихо-смирно смыться. Навсегда. И в сердце вернется покой. У нее, небось, и дети есть, если она замужем...

Я люблю составлять реальные проекты будущих деяний, именно такие, чтобы ощущать их принципиальную исполнимость. Основная, самая главная составляющая любого конкретного плана действий – это даже не вложенный в него ум, это способность постановщика (он же исполнитель) действовать не спеша. Где бы я ни жил – на стройке, в интернате, в своих квартирах, жизнь всегда понукала и до сих пор пытается меня понукать: «Эй! Кирпич! Не спи, замерзнешь! Ап! Встал, побежал! Барьер! Ты должен успеть! Ау, не отставай! Фас! Сколько можно копать?! Апорт! Давай-давай-давай-давай!...».

Раньше я безропотно ее слушался, а теперь – не всегда, но, как правило, нахожу в себе философские силы отвечать: «Ты чё, ты на кого тянешь, типа?! Цыц! Я сам знаю, где мне поспешать, а где лениться! Не, ну ты поняла, в натуре? Ступай ровно, дыши рядом!».

Опять же, о пользе тормозов в истории обретения моих маленьких миллионов... Нужды нет, что это мне случайно повезло, а вовсе не по заранее рассчитанному плану... В 2008-м банк-поглотитель предложил обменять мои старые акции на новые или продать их народу по рыночной цене. Я не внял, хотя бы потому, что эти предложения в письменном виде приходили на старый адрес, в то время как я уже переселился на новый, в Купчино далекое. Нет, одно-то уведомление я получил, уж не помню каким способом, но решил не спешить... В итоге банковские ребята, совершив все отмеренные законом эпистолярные и прочие телодвижения и не получив моих бе или ме, выкупили мои акции насильственным путем по ими же заявленной на тот момент цене. Годы прошли с тех пор, а та цена – до сегодняшнего дня котировочная вершина, то есть я сбавил им свои акции по самой высшей цене из всех возможных. То есть облапошили они себя, а не меня, хотя намеревались наоборот. Ни я, ни они в этом были не виноваты, судьба. Но я к чему веду: а поспеши я с решениями – был бы как минимум вдвое-втрое беднее.

Стало быть, так: отмериваю себе полную неделю, а то и две на кропотливую подчистку хвостов-долгов по быту и ранее взятым бизнес-обязательствам перед Владимиром и Женей. Это осознание своей полезности плюс деньги, крохотный приварок к моим скромным постепенно усыхающим миллионам, плюс телефонные консультации, которые я даю, преимущественно дамочкам, по разнообразным, хотя и довольно однотипным проблемам в личной жизни, – сие вериги бесплатные, но я их влеку добровольно... Скажу, что уехал на месяц из города в курортные места с дорогим роумингом. Вроде бы все, ничего не упущено. Да, решено: кладу неделю на расчистку своего предстоящего оперативного времени, а потом уже... вплотную займусь «островными» проблемами, которые возникли у меня на Васильевском и на Елагином.

Что такое реальность в нашей жизни? Это совершенно естественное, но при этом глубоко абсурдное смешение ваших планов с чужими на одном и том же событийном пятячке пространства. Гармония прокисшего винегрета. Мало ли что вы там себе решили да пожелали, а не соизволите ли подвинуться своими проектами в пользу чужих намерений?.. Вы в аптеку

– она закрыта; вы звонить, а абонент временно не доступен; вы телевизор покупать, а банк вашу карту временно блокировал, по ошибке либо из бюрократической бдительности; вы на свидание, а она не пришла?..

К примеру, звонит мне дама, назовем ее Марта, у нее почти неразрешимая проблема любовного треугольника второго порядка. Ей – нож острый – необходимо спросить моего совета, она и звонит, не очень-то задумываясь о дороговизне роуминга (которого в данном случае нет, но мог бы быть), о моей занятости, о моем настроении, планах и тому подобное. Однако я покорно отвечаю на звонок, выслушиваю страхи ее, тревоги, очередные перипетии взаимоотношений... Все справедливо: я вызвался помочь, я пообещал, а у нее беда в личной жизни, беда, какой Вселенная еще не знала, стало быть, нечестно мне отступать, оставлять ее без поддержки. На самом-то деле мы – я и Вселенная – давно уже «в теме» этой семейной беды и даже имеем наглость считать ее обыденной для человеческого мира, но кому от этого легче? Поэтому терпеливо киваю в телефонную трубку, даю новые советы, но чаще напоминаю старые, утешаю, легонько журя за допущенные косяки... А мои дела – подождут, ладно уж, успею.

Любовный треугольник второго рода – это особая геометрическая фигура, в ней, в отличие от юного легкомысленного треугольника первого рода, представлены люди женатые и замужние, обремененные детьми и жилплощадью, а намерения у всех серьезные: не простой адюльтер, не партизанские перепихи, но долгосрочные душевные и материальные инвестиции в любимого человека. Да еще накиньте сюда солидную разницу в возрасте между всеми тремя вершинами треугольника, обозначенные равными ступеньками-поколениями, когда он старше на десять лет одной и на столько же младше другой... эх...

– ...ну, конечно же, кроме будущей недели, я всегда на связи, звоните. О!.. Марта, еще хочу одну мелочь напомнить! Ау, слушаете?.. И на сей раз постарайтесь проявить выдержку, ибо ваша истерика, при всем уважении к ее причинам, – наихудший из способов, чтобы вернуть мужа. На-и-худший! Это он пусть там, у нее, ругается и бесится, лезет на стены от ее истерик и претензий, пусть они, а не вы, бьют посуду, а у вас для него – убежище, уют, дом, жена, сын, компьютер с интернетом, кошка. И тогда никакая разница в возрасте ей не поможет. Понимаете меня? Очень хорошо, я на вас надеюсь. Через недельку позвоните, я к тому времени подосвобожусь и двинемся дальше. До свидания.

Неделю я провел в размеренной, хорошо рассчитанной деловой суете и очень многое успел, именно потому, что не спеша – не спеша! – подбадривал себя и унимал нетерпение сжечь и утопить все авгиевы конюшни, дабы потом уже без помех, пусть и с риском для одинокой жизни, посвятить свое освободившееся время... чудеса-а-аммм! А еще одну неделю я промотал на безделье, на книги и на общение с...

Наконец намеченные скучные дела были переделаны, внутреннее удовлетворение от собственной выдержки получено... И увидел я, что это хорошо, и уснул в ночь с субботы на воскресенье, и проснулся, как всегда, в половине девятого утра, полный сил, идей, тревог и любопытства.

Что-то мне снилось в ту ночь... ох, давящее такое... Сны были нехороши, но на этот раз не запомнились и не омрачили боевое предвкушение нового дня.

Очень легко – сесть вот так, в кресле или на стуле, перед десктопом или с ноутбуком, либо с планшетом на коленях (сегодня я выбрал десктоп и кресло) – и сказать себе: думай! Но гораздо труднее родить какую-либо действенную, толковую мысль, отличную от привычного набора: «где сейчас Ленчик?», «осталась ли гречка?» или «надо попить». Вдобавок то и дело отвлекает Сеть: «по Вашему запросу найдены двести пятьдесят четыре тысячи ссылок...». Угу. Группа «Зеленые муравьи», «Сказка про муравьишку», декабрист «Муравьев-Апостол», песня «Мой муравей», песня «Бабочка и пчела», актриса Муравьева... Кто из нас тупее – поисковик или я, не умеющий, как оказалось, грамотно вопрошать Электронного Оракула? Но ведь я не совсем так формулировал, блин!.. Вы чего там, мальчики-электроники, обкурились электронных сига-

рет, что ли?.. Ну-ка, другой поисковичок, внимательнее вводим слова... Гм! Примерно та же фигня.

Да, мое следопытское утро началось с довольно странных феноменов, которых никто, включая меня и мой верный компьютер, не ждал: вместо ответа на весьма простенькие вопросы Интернет выплевывал на экран посторонние ссылки, абсолютно бесполезный жмых! Что ж, иногда и так бывает... Хотя... странно, конечно же. Но это не я виноват, это крупнейшие поисковики мира сбрендили, а я-то как раз добрый молодец, пусть из ламеров, но лучший на этой планете! Единственный недостаток которого – отвлекается на не нужную сейчас фигню, вместо того чтобы думать о чудесах Елагина острова! Прилип к сетям мировой паутины! Полтора часа времени – впустую, как ветром выдуло!

А потом погас свет. Щелчок – и мой верный десктоп тихо усоп. Временно, разумеется, пока электричество не починят. Я было метнулся к ноуту, а потом рукой махнул: Сети без электричества все равно не будет, так что лучше планшет: буду почти наобум постукивать пальцем по сенсорной клавиатуре, никем и ничем не отвлекаемый, авось родится добрая мысль, а то и две... Когда в солнечный летний полдень выключается свет в квартире, темнее и холоднее от этого не становится, разве что перестает урчать холодильник на кухне да затихают кулера в слабосильном системном блоке. Ко всем этим вечным фоновым звукам настолько привыкаешь, что заметным становится как раз их отсутствие... На планшете заряда... семьдесят четыре процента, надолго хватит, трубка на ночь была подключена и с утра под завязку – тут не о чем беспокоиться... Можно пока сходить в магазин, раз весь мир стоворился меня от размышлений отвлекать...

Только я кеды напялил – свет дали! Но не отступать же теперь, на пороге, все-таки трудился, шнурки завязывал... Умственности подождут, а куплю-ка я мяса и фруктов! Фрукты – черешня, мясо... Сегодня сойдет курятина. Плюс лук репчатый, плюс хлеб – или по типу лаваша, или бородинский, или тихвинский, плюс гречка, плюс кетчуп: незамысловатый холо-стяцкий пир.

Консьержки у меня в парадной нет, однако в лифте и на этажах всегда чисто: либо живущий в доме народ отличается повышенной сознательностью, либо руководство ТСЖ добросовестно выполняет свои, обильно проплаченные жильцами обязанности, но факт тот, что нет в подъездах ни граффити, ни мусора, ни наклеенной на стенки лифта рекламы, ни разбросанной прессы, ни собачьих и кошачьих экскрементов, ни иного какого смердежа... Поэтому сердце мое нехорошо екнуло, когда в открытую дверь прошмыгнула крыса! Это я спустился с третьего этажа пешком, по «черной» лестнице, поскольку поленился дожидаться лифта, отпираю «таблеткой» замок, толкаю от себя дверь – ой, мама! Фьюить! Такая, мимо меня прямо из-под ног – и на лестницу! Серая крыса, небольшая и не старая, обычная питерская – уж в крысах-то я неплохо разбираюсь еще с интернатовских времен. Жизнь наша сиротская была сурова и неприхотлива, и мы, не исключая даже девчонок, крыс не шибко-то стремились, несмотря на все эти ночные страшилки, что передаются из поколения в поколение от старших воспитанников младшим... Ну, эти, обычные сказки-ужастики, с прокусыванием горла у спящих, с нашествиями несметных полчищ, пожирающих на своем пути все, от лошадей до бультерьеров, с маниакальной влюбленностью черного крысака в беззащитную девочку... Да, по ночам боялись, а днем не очень-то: бывало, что и охотились... Но вот я, уже взрослый парень, в своих владениях, среди бела дня – и вдруг перепугался, если честно! И неожиданность свою роль сыграла безусловно.

Как бы то ни было, а возвращался с покупками я уже через «парадный» вход. Не знаю, почему, на всякий случай, а может быть, из-за острых лединок в области сердца, так и не растаявших, пока ходил в универсам, но – выбрал иной обратный путь, на лифте поднялся. Тем не менее почти не удивился, увидев эту же самую крысу: выхожу из лифта в «предбанник», отделивающий лифтовую площадку от общего этажного коридора, в правой руке пакет с припасами, в

левой ключ наготове... Там, возле окна, за лифтами закуточек есть, маленький, только швабру и совок разместить... и за ним сквозная вертикальная щель между этажами... Оп! Тут-то и угнездилась красавица, пользуясь отсутствием дворницких инструментов, мордочку высунула – и смотрит на меня! Почему я узнал ее, что эта именно она, а не другая какая крыса, ведь если одна завелась – жди других? (Надо будет стукнуть на них в ТСЖ, и срочно, пока не расплодились.) Узнал. Она, она самая, тварь! Я такого проникновенного взгляда ни у одной крысы не видел! Этот – темный и, я бы сказал, осмысленный, черный, с двойным красноватым отливом в глазах-бусинках. Метра четыре между нами было, но я хорошо рассмотрел все, вплоть до багрового отблика на крысином взгляде в упор... Перетрусил, чего тут скрывать, самому стыдно от этого, но – в страхе, как и в любви, сердцу не прикажешь. Все, что мне хотелось в тот миг – это открыть коридорную дверь, не поворачиваясь к крысе спиной, шмыгнуть внутрь и дверь немедленно захлопнуть, чтобы она, сволочь, и туда, вслед за мною, не пробралась!

– А ну, сука!.. – Это я как гаркну и с топотом на нее побежал. – Затопчу тебя, н-на хрен!

И затоптал бы!.. Так, чтобы мерзкий взвизг – и серые кишочки-червячки, все в кровавой слизи, брызнули далеко вон из лопнувшего брюшка! Я хорошо представляю, как это бывает, неоднократно видел, имелись у нас в интернате любители крысиной корриды... Тупой и слабодушный, в сравнении с другими воспитанниками, я всегда испытывал тайную жалость к этим несчастным грызунам, но сейчас, вот в этот миг, затоптал бы и кеды для такого дела не пожалел, убил бы с радостью, лишь бы заглушить, погасить собственный ужас! Вот, клянусь!

Но крыса повела себя так, как и полагается городскому синантропу при внезапной агрессии человека: никаких сражений, шмыг в щель – и нет ее!

Не люблю за собой, в себе – когда весь в холодном поту и пальцы трясутся, не по-суперменски это, не по-мачовски... Но, похоже, пора к этому привыкать...

Коридорную дверь я открывал-закрывал очень осторожно, с бдительной оглядкой, весь готовый кричать и пинать. И домашнюю – тоже весь настороже, не обращая внимания на жгучий стыд перед самим собой.

Мой дом – это если и не крепость моя, то раковина-гараж для меня-улитки: пришел, заперся, укрылся в тихой, мирной, уютной скорлупке. И тем самым временно победил все неприятности окружающего мира. Дома легко можно отвлечься на сон, на пищу, на заварной чай, или кофе, или даже экзотическое для моей кухни какао, на серфинг по излюбленным сайтам, далеким от забот и тревог суетного двадцать первого века, расположившегося на самом кончике эпохи Голоцена, которая, как известно, пока еще венчает собою самый свежий, самый новый, Четвертичный (антропогенный) период юной Кайнозойской эры...

Иногда геологическая история Земли представляется мне в виде сталагмита, а иногда – если я не в духе, как сегодня – в виде сталактита. Надо никогда не забывать опускать крышку унитаза и непременно проверить все вентиляционные решетки, чтобы не только крыса, чтобы даже мышь-водолаз-скалолаз не пробралась ни случайно, ни намеренно... Какое счастье, что в позапрошлом году я поленился спорить и торговаться со стеклопакетчиками – и теперь у меня поверх окон снаружи, на всех трех окнах, противомоскитная сетка!.. Прочная, такую и крыса не вдруг прогрызет.

Какой же ты глупый, дурачок-поисковичок! Мне плевать, что Наполеон избрал символом пчелу-осу в мантии и чихать на мать-пчелу Деметру! Я хочу точно понимать, почему *Sphesomyrma freyi* вымер, превратился в ископаемый муравьиный вид, б-блин! С недавних пор увлекся я изучением общественных насекомых, типа термитов, пчел и моих любимцев муравьев... Чем больше читаю о них – тем меньше понимаю, чем меньше понимаю – тем больше спрашиваю, чем больше спрашиваю – тем меньше доволен полученными посторонними ответами... Называется, нашел-таки нишу, в которой я опять полный идиот! Тем не менее с мазохистским упорством дятла-камнетеса продолжаю долбить гранит науки, прицельно изучать этих странных маленьких открыточелюстных существ... муравьев. На худой конец – термитов

и ос, но никак не крыс! Почему она так смотрела на меня? И почему выслеживает? А если не выслеживает, если не смотрела, если у меня обнаружилась мания преследования – хочу понять ее истоки, хочу увидеть связь моей паранойи и дурацкого голубого свечения на Елагином острове! И как это лечить?

Да, совершенно иначе мне представлялся день сегодняшний, в котором я оказался похож на пчелу, но отнюдь не на ту неутомимую усердную трудолюбивую из советских мультфильмов, собирающую нектар в общественный улей, а на глупое насекомое, бездумно перелетающее с цветка на цветок согласно первобытным инстинктам: проголодался – купил еду – приготовил – поел – подремал...

Уже и вечер за окном... А вечер в Петербурге – на пике безоблачного астрономического лета – начинается ближе к полуночи! День насмарку, бесплодный напрочь: всех свершений – жрал и тревожился... из-за этой... хвостатой... Вот бы ее на голубую ленту бросить, ей бы там в самый раз! Файлы проверяем и закрываем, все, кроме одного... Результатов – кот наплакал. Рабочий муравей, представитель рулящего сословия в своем мирке, даже не подозревает, что он всего лишь подвижное сочленение в большом муравейниковом суперорганизме, который, в свою очередь, также крохотная и легкозаменяемая деталь в районной экосистеме. Неужели все трое – такие несознательные?... Ладно. Мой недоуменный вопрос записываем да так и пристегиваем в самом конце последнего файла... и закрываем всю папку. А завтра он, вопрос, послужит утренней затравкой для дальнейших дум...

Всем на кухню! Обжорство по-спартански!

У меня, в моих сетевых окрестностях, есть хороший знакомый, собеседник по общим гостевым и форумам, сверстник, тоже из Питера, но я его никогда вживую не видел. Так вот, этот парень слегка повернут на идее здоровой пищи. Благодаря ему я узнал, например, что куриную грудку надобно кушать без кожицы, поскольку в шкурке той очень высокое содержание жиров и канцерогенов, особенно в обжаренной на сковородке... С тех пор, поедая жареную курятину, я, как правило, чувствую угрызения совести перед собственным организмом, ибо не в силах отказаться от самой вкусной и, увы, от самой вредной части этого блюда...

На моем кухонном столе всегда просторно, я стараюсь не держать там лишних вещей и даже чайник, после того как наполняю кипятком кружку, ставлю на пол, возле отопительной батареи, где выделено место ему и электрической «базе». Съел салат – тарелку и вилку тотчас же помыл-сполоснул; кинул три кусочка сахара в чайную кружку, сунул туда чайный пакетик – остальное вернул на полку. Но сегодня трубка телефонная в центре столешницы и колода покерных карт (пятьдесят четыре листа с двумя джокерами) на самом углу стола почему-то остались. Не помню, что я там собирался с карточной колодой делать после позднего ужина – гадать или упражняться в тусовочном шулерстве, подражая приемам голливудского учебного фильма о карточных фокусах, но лежала она рубашкой вверх на картонной упаковке для этой же колоды. Звякнул будильник в трубке, обозначая полночь, и я вздрогнул. Нервишки, блин! Настройки в моем телефоне такие, что ровно через минуту трубка продублирует сигнал – и это должно быть мне оповещающим знаком: пришли новые сутки, пора в Сеть, пора проверять обновления по интересующим меня сайтам. Чтобы еще раз не нарушать электронными взвизгами тишину, потянулся я к трубке и задел рукавом халата карточную колоду, которая и так уже слегка перекосилась, лежа на хиленьком бумажно-картонном чехольчике. Верхняя карта слетела со своего места и упала на пол, перевернувшись рубашкой вниз. Шестерка пик. Подцепил я левую ладонью колоду вместо трубки, а сам наклонился, чтобы поднять упавшую карту (о-йййолки-палки... оказывается, срочно, срочно пол надо подметать, и здесь, и в комнатах...), а карты скользкие, поехали у меня из небрежных пальцев – и еще одна карта вывалилась откуда-то из середины колоды, упала на грязноватый пол ровнехонько рядом с первой и тоже рубашкой вниз: шестерка бубен. Совпадение, всего лишь мелкое совпадение, но я на несколько мгновений задумался, стоя в позе раком над выпавшими картами... Ну-ка... Пра-

вой рукой, не глядя, наобум, выволакиваю из недр колоды еще одну карту, кладу с переворотом возле первых двух: шестерка червей. Полночь и три шестерки – милое сатанинское сочетание... Сейчас воспоследует звонок в дверь. Так я подумал и перевернул верхнюю карту колоды, будучи абсолютно уверен в одновременности двух несовместимых исходов:

– придет четвертая и составит каре;

– так и останутся три шестерки, составляющие число шестьсот шестьдесят шесть.

Пришел джокер.

И в дверь постучали.

В первую секунду мне глюкнуло, что в доме опять свет погас, раз стучат, а не звонят – но нет, лампа горит, холодильник вибрирует... И дверной звонок вроде бы работает... Надо будет проверить. Но не сегодня ночью. И... это... Что за визиты в белую полночь?

Современный человек редко бывает совсем уж один, с уверенностью, что никто его не видит и не слышит, ни воочию, ни с помощью современных средств слежения или связи, ни через окна, ни сквозь стены, поэтому, даже будучи в полном гарантированном одиночестве, у себя дома, ведет себя по сложившейся привычке так, словно кто-то за ним наблюдает. Вот и я – сделал полуулыбку с укусом в левую щеку, удивленно поморгал, а сам, все так же наклонившись, неспешно подбираю карты в единую стопку, чтобы все лежали, как и положено – рубашками вверх. Шестерки разбил по одной и рассовал по колоде куда попало.

Дзинь-дзинь!.. Ф-р-р-р!.. – это моя трубка, выждав одну минуту, заверещала; карты же посыпались из дрогнувшей руки. Нет, я теперь точно законченный неврастеник! И с чего бы, спрашивается?! Мне ведь, блин, так хорошо и уютно: полночь, красноглазые крысы по дому бегают, странные стуки в дверь, звонки под ухо, сатанинские числа настойчиво перед взором ложатся – а я всё еще чего-то боюсь!..

Стук, предположим, наверняка мне почудился, пусть я в это поверю, да так, что даже и подходить к двери не буду, а вот карты попадали странно: из почти половины просыпанной колоды рубашкой вниз легли все те же три шестерки – вини, бубны, червы – и черный джокер. А шестерка трэф с красным джокером остались где-то там, под одинаковыми карточными рубашками. Поискать, что ли?

Стук в дверь повторился, и я капитулировал, устав ломать комедию перед самим собой: мне страшно, я боюсь.

Ноги реально отказывались идти, я на голой силе воли доковылял до входной двери и открыл первую, внутреннюю, чтобы заглянуть в дверной глазок, врезанный в наружную дверь, толстенную, прочнейшую, впору сейфам в швейцарских банках... Подошел – и чувствую: не в состоянии прильнуть своим зрачком к дверному глазку, лучше я с ума сойду!

– Кто там? – спрашиваю я громким недовольным голосом.

В ответ молчание. Я еще раз мысленно взвесил всё, что на ум попало в тот миг, и опять вопрошаю:

– Кто там, чего надо?..

И слышу голос: серый такой, землистый, с гнилинкой:

– Откройте. Вам нужно взять письмо.

Даже не понять – женский голос или мужской...

– Какое еще письмо, блин! В первом часу ночи? – это я так вслух возмущаюсь, а сам, не будучи в силах заставить себя заглянуть в оптический глазок, лихорадочно бью по клавишам цифрового перископа, установленного в коридоре. Домашний перископ – не очень-то дорогой девайс, позволяющий прямо из квартиры, не подходя к двери, осматривать происходящее на этаже, в общей прихожей на четыре квартиры. Однажды я, проявив неумную щедрость, поставил его, считай что сдуру, поразвлекался, пока не надоело, но перестал включать где-то уже через неделю, за почти полной ненадобностью: гости у меня редки. Теперь вот пригодились. Гляжу на экранчик – пусто на коридорной площадке! Странно, вроде бы я не слышал ни шагов,

ни шорохов, ни дверных стуков, ни кляцанья замков на дверях, отделяющих коридорные просторы от квартирных и лестничных... В любом случае: пусто! И я этому рад. Подхожу, немного успокоившись, к входным дверям, чтобы прикрыть внутреннюю створку... и заглядываю-таки в глазок. Стоит существо, по виду – тетка. «Как так может быть?» – тупо удивляюсь я, а в мозгу вновь просыпается и от заливки ползет вдоль шеи вниз ледяной сквознячок, из-за которого так холодно душе и сердцу. Тетка стоит – почти вплотную к глазку, смотрит прямо на меня, и мне моими заиндевевшими извилинами не разобрать, одна она там или несколько их. Я на цыпочках делаю пару шагов к настенному плоскому монитору – нет никого! Монитор крохотный, шестидюймовый (то за мотовство себя корил, а теперь, типа, наоборот упрекаю, сам виноват, пожадничал на больший), но вполне достаточный, чтобы отличить безлюдье на коридорной площадке от человеческого присутствия. Коридор пуст – а стук повторился! Подхожу к двери, смотрю в глазок: стоит тетка, все на том же месте, стоит, почти не шевелится, на меня смотрит. А взгляд... как у фотографии... у черно-белой... и сама тетка словно бы не цветная... Хотя, нет: губы красноватые... и глаза... не рассмотреть как следует... блестят... не крысиные ли?... Опять стук!

– Вам письмо, пустите меня в дом.

– Хрена лысого я вам открою! В ящик бросьте. В полночь, мля, писем не носят! Пойдите вон, гражданочка, добром прошу! От кого письмо?

А сам в глазок смотрю, за теткой наблюдаю. Вроде бы и страха особого уже нет, то есть, конечно, страх на месте и даже почти ужас, но говорить и двигаться не мешает, первый полупаралич, вызванный неожиданным визитом, закончился. Странная эта письмоноша, не говоря ни словечка в ответ на ласковые мои резоны, поворачивается и уходит из поля зрения влево, к выходу на черную лестницу... Я к монитору – нет там никого! Я бегом обратно, ухо к двери, дыхание затаил – полная тишина, обычно скрипучая стукотная дверь на черную лестницу – молчит. Ну, и что мне думать по этому поводу? Стал думать. Вывод, непротиворечиво совмещающий оба визуальных эффекта, пришел довольно быстро: картинка на мониторе статична, потому что глючит прога либо железо, и в перископ я вижу простую застывшую фотографию межквартирной коридорной площадки! О, это уже лучше, нежели ничего! Хорошая мысль, толковая! Теперь бы еще разобраться с бесшумной и безумной письмоношей в полночный час... Подумал я – и бегом к глазку. Одновременно с коридорными шумами задвигалась картинка на мониторе: сосед-пенсионер собаку идет выгуливать!..

Совпадение двух изображений полное: там, в мониторе, дед с пуделихой – и в глазок то же самое. Пуделиху Багира зовут, а безымянного деда знаю только вприглядку, но он действительно живет на нашей лестничной клетке через одну квартиру от меня. Тем не менее открывать входную дверь, дабы воочию оглядеть место проявления странных эффектов – общий коридор – я все-таки не стал, поосторожничал. Но уже не застыдилсЯ страха своего. До утра, до рассвета сидел я в коридоре на стуле (из кухни принес), смотрел поочередно в глазок и на монитор, слушал звуки... Багира привела деда с прогулки, лифт я слышал, звяканье слышал, а также дверное хлопанье, стариковское бормотание, веселый пуделиный скулеж... Но от полуночной тетки-почтальона я больше никаких появлений так и не дождался. И звуков, кроме той первоначальной просьбы войти.

Лишь при белёсом рассвете, который на рубеже июня – июля почти то же самое, что белёсый вечер, если сравнивать на часы не глядя, лишь ранним утром, когда уже дом стал пробуждаться за окном и на этажах, я обрел через отупелость необходимую толику душевного равновесия и решил вернуться в кровать. И вновь меня тревожили нехорошие незапоминающиеся сны, и спал я всего-то часа четыре, но проснулся сам, без будильника. А вроде бы выспался, несмотря на пакостное внутреннее ощущение, что эти навязчивые кошмары спасли меня, вытолкнули из черного сна в безопасную действительность. Первая мысль после похода в туалет-ванную и окончательного пробуждения была проста: или на свете существует так назы-

ваемая нечистая сила, или я поехал разумом. Ну, и?.. Что приятнее, чего изволите выбрать, гражданин Кирпичев, он же Сева Кирпич?.., он же... этот... блин... забыл... извод!.. И еще этот... мурина поперечная. Кто они, кстати, ну-ка узнаем, и за что мне такие прозвища от спасенного мною чудища, там, на Елагином?.. (Это я сам себе говорю небрежным тоном, подсаживаясь к десктопу. В левой руке – чашечка с утренним чаем, в правой – мышка... Надо будет мышку переименовать в руль или весло, дабы не было больше никаких мышино-крысиных ассоциаций... бр-р-р!) Поперешный – это нечто вроде колдуна-инакомыслящего. Мурина² – здесь не отдала Сеть прямого ответа, но с кочки на кочку – вроде бы нехорошее магическое лицо, типа «образина» от слова «образ». А извод – это черт или водяной. Угу! Я колдун, черт, водяной, а эти все нежити, ленты и крысы с почтальонами – они тогда кто?! Эльфы с крылышками?! Осмотрел себя – сначала так, а потом в зеркале: из одежды на мне только шлепанцы, с утра плюс двадцать три, даже в халате жарко. Ну, причесаться бы надо... Отражаюсь – вот что ценно!

Дальше мысль моя соскочила на более важные недоумения: если меня упекут на Пряжку с психозом, шизофренией, с воспалением мозговых оболочек или еще чем-нибудь таким безумящим, кто будет распоряжаться моими деньгами и недвижимостью? Вопрос на самом-то деле риторический, потому что к моменту излечения – это если я небезнадежно сошел с ума и реабилитируюсь – от моего состояния не останется даже следов на песке, тут уж подсуетятся люди добрые, и к гадалке не ходи... Родных нет, опекунов и наследников нет – оберут до нитки! А денег-то жалко – я на них живу полной жизнью!

Ладно, а если я психически вмняем, что мне теперь – в сглаз верить, в порчу, в домового, в водяного?..

И вспомнил я про карты, про то, как они в сатанинские знамения складывались. Где колода? На кухне колода, сюда ее, в кабинет, в кабинете на полу будем развлекаться... дрожащими, н-на фиг, руками... Нет, не дрожат, притерпелся, что ли?!

– Алё? Да, но... Марта, мы же с вами догова... Дело в том, что я очень и очень зан... Хорошо, три минуты у меня есть.

Очередной чужесемейный вопрос жизни и смерти. Три не три, но в пять минут мы с несчастной Мартой уложились, жизнь и надежда под моим чутким телефонным руководством опять одержали победу, и я наконец могу...

Первая проба: валет, король, семерка, по мастям – соответственно бубны, трефы и трефы.

Вторая проба: шестерка!., трэф, король винпиковый и пятерка пик... Тоже не представляю, как трактовать...

Третья проба: восьмерка, восьмерка, двойка, все бубны.

Четвертая проба: четверка, туз, девятка. Червы, трефы, пики.

Где-то на восьмой или девятой пробе я перестал следить за вытаскиваемыми мастями, отмечая лишь джокеров и шестерок. Только однажды из... где-то из полусотни, наверное, проб – выпала шестерка бубен с джокером. Как-то не очень зловеще это смотрелось, и я прервал исследования. От ясновидения до телекинеза – один шаг (а до психически неомраченного разума – целых полтора), и я его сделал: а кого стесняться – никто же не увидит и не узнает?!

Положил я перед собою на кухонный табурет колоду карт рубашками вверх, и не просто на дерево, а на картонный карточный чехольчик, чтобы, значит, с хлипкой этой подставочки нужным картам легче было выскакивать из колоды под воздействием, типа, моего ментального приказа.

А ведь заразная штука! Не такая липучая, как лента на Елагином острове, но... часа полтора я честно сопел и пыжился, ерзая задницей в трусах по ламинатным плиткам кабинета,

---

² Мурин – эфиоп (ст. – сл., др. – рус.), но так звали и бесов по черному цвету кожи.

в попытках сдвинуть мысленным повелением какую-нибудь из карт, все равно какую, хрен с ними, с шестерками, пусть вон ту, верхнюю!..

Ни одна не шевельнулась. А я ведь не поленился для такого дела: настроил камеру на ноутбуке и все эти полтора часа моих ужимок перед табуретом с картами записал на видео!.. Понятно для чего: если вдруг получится – камера бесстрастно зафиксирует, она ведь безмозглая, галлюцинаций не ведает. Пришлось стереть файл, поскольку результатов ноль, а записанный процесс может меня скомпрометировать, если вдруг что... или даже послужить неопровержимым доказательством моей слабой вменяемости.

Были в этот промежуток времени звонки по трубке, но я на них не отзывался, чтобы настроя не терять... И правильно сделал: звонки были малозначащие, пустые, я проверил по номерам.

Выходить на улицу мне в этот день очень уж не хотелось, но я себя заставил, ибо должен, обязан хотя бы попытаться проверить собственную вменяемость на простых социальных действиях: сходить в магазин, дабы пополнить продуктовые запасы, а заодно и пообщаться с человечеством: нагрузить корзинку, поздороваться со знакомыми продавщицами, протянуть наличные или карточку, поискать мелочь, когда понадобится... И если я увижу, что все невозмутимо в общении со мною, не хихикают, не разбегаются кто куда с воплями возмущения, отвращения или ужаса, то вероятность того, что я более или менее адекватен, резко повышается. Ну а если будут хихикания и паника, но я этого просто не замечу в безумии своем? Тоже неплохо, если разобраться, еще даже и лучше, очень удобно, лишь бы санитары под замок не закрывали.

Во дворе я кивками поздоровался пару раз, не вступая в разговоры, – всё, вроде бы, как обычно. В двух магазинах то же самое: ни паники мое появление не вызвало, ни буйного веселья, ни вмешательства охранников... За хлеб и конфеты расплачивался налом, за крупу, мясо и фрукты – кредитной карточкой: сдачу считаю, чеки читаю... Ужели я нормален? Вот здорово, но... значит, вся безумная мистика вокруг меня – суровая быль! Единственное плохо при таком раскладе: внимать за дверью в ночи гнусоголосому существу с крысиным взглядом, которое просит его впустить, – это жутковато, и это совсем-совсем иного качества страх, нежели когда смотришь фильм ужасов в кино или по телику.

Некоторое время назад я уже делал открытия для самого себя насчет того, как новые, только что нахлынувшие впечатления делают почти невозможное, то есть вытесняют старые, пусть даже супер-суперважные... Да запросто! – и это непреложный факт, в котором я в очередной раз убедился, возвращаясь из небольшого универсама на проспекте Испытателей. У меня поблизости целых два универсама: небольшой и совсем небольшой. Совсем небольшой – вообще перед окнами, но я его не очень люблю. До дому – сотня метров по прямой, оставалось только Серебристый бульвар пересечь по пешеходному переходу, как вдруг меня окликнули:

– Молодой человек?.. Ау, молодой человек!

Когда я не в общественном транспорте сидячий пассажир, а пешком иду по улицам города, в ухе у меня только один наушник торчит, второй свободным болтается, и поэтому я всегда слышу не только радио, но и голос города вокруг меня: разговоры, клаксоны, предупреждающие окрики и свистки... Да, качество музыкального звука от этого падает, однако подобная предусмотрительность того стоит, на горьком опыте понял. Хорошо, хоть не на очень горьком опыте.

– А?..

– Да-да, это я вам. Извините, что, так сказать, вторгаюсь незванный в ваше медийное пространство, но я буквально в несколько слов, на минуту-другую, вы позволите?

Я кивнул, второй наушник вынув, а сам смотрю на него: мужичок, пониже меня, где-то метр семьдесят, весь такой средненький параметрами, в темных очках, в бейсболке, посаженной чуть наискось на коротко стриженную голову... Лет, наверное, тридцать пять ему, а может,

и сорок, светлая крупноклетчатая рубашка с короткими рукавами, бежевые штаны по колено, сандалеты на босу ногу... Часы на руке.... На левой руке. Обыватель, голос нормальный, и тень хорошо отбрасывает среди бела дня. Светофор, конечно же, меня ждать не стал, мигнул желтым, потом красным...

– Да, конечно, слушаю вас...

В первую секунду меня кольнула тонкая и очень неприятная догадка, от которой все мои мистические переживания словно цунами слизнуло: это муж или бойфренд одной из барышень, с которыми я однажды... или не однажды... А с некоторыми-то вообще ничего у меня не было, с теми, кого я честно консультировал... Только кто поверит оправданиям?... Действительность оказалась поострее догадок:

– Савелий Васильевич Кирпичев?

– Да, слушаю вас внимательно.

– Савелий Васильевич, тут такое дело... Вы ведь муравьями интересуетесь?

– Что?..

– Муравьями, говорю, интересуетесь? Пчелками, там?..

– Ну, а... предположим. И что? Чем обязан, собственно говоря, и-и-и... с какой стати...

– Ничего личного, Савелий Васильевич, не волнуйтесь, пожалуйста. А просто найдите себе другое хобби, вот вам мой совет.

– Что?..

Я настолько растерялся от услышанного, что даже пролопотать ничего вразумительного не сумел в процессе этой странной беседы! «А... бэ... чиво...» Еще не хватало бы вслух прокомментировать случившееся фразой десятилетия: «Я в шоке!».

В шоке, да. Есть такое дело. Мужик тем временем откозырнул мне двумя пальцами по бордовой бейсболке, повернулся да ушел, не дожидаясь дополнительных вопросов и междометий с моей стороны. А я остался стоять на перекрестке, перебирая растерянным разумом светофорные цвета... Желтый... зеленый... желтый... красный... желтый... Зеленый, пора переходить. Надо же – вот только что радовался, что руки-ноги перестали дрожать, а здесь уже вот-вот голова затрясется, как у паралитика!

Тремор в руках – это не когда ты злобным голосом посылаешь к чертовой матери любого безобидного собеседника, отвлекшего тебя от внутренних хлопотаний, а кончики пальцев при этом срываются с телефонных кнопок или не могут зацепить перелистываемую страницу книги; настоящий стрессовый тремор – это когда ты тянешь руку к замочной скважине, к включателю электрической конфорки, но попасть ключом в отверстие замочной скважины или ухватить тумблер за ухо никак не можешь, потому что пальцы аж звенят на трясущихся ладонях, а плечи ходуном ходят! С ключом и конфоркой я справился, хватило если не самообладания, то смекалки: свел обе ладони вместе и двумя руками попал. Точно так же ухватил сковородку, бутылку с якобы оливковым маслом, свиные котлеты поочередно... Сегодня я их отбивать и надрезать не стал, не до того... Хлеб ломтиками, только обертку развернуть... Поставил тарелку на стол, вилка почему-то уже на столе... А, это я с ночи забыл убрать, оливки ею доставал, скрашивая ночные посиделки в коридоре. В жестяную банку с поваренной солью удалось залезть уже одной рукой, щепотью. Посолил. Потом поел. Потом посуду вымыл – руки все еще потряхивало, но умеренно.

Итого имеем за прожитую половину лета: эпизод с барышней у Тучкова моста, эпизод с неопознанным животрепещущим хамлом на Елагином острове, там же – эпизод с засасывающей лентой голубого цвета и непонятной субстанции, эпизод с подглядывающей красноглазой крысой... пусть тоже пойдет в счет, не сомневаюсь, что крыса не проста!.. Далее: эпизод с полуночной почтальоншей, отдельно – разница в цифровом и оптическом восприятии коридорной действительности... И, наконец, чувак, который узнал меня, будучи со мною незнаком, и который вынес мне предупреждение насчет моего интереса к цивилизации муравьев... Не-а!

Нет, запишем иначе, блин: к цивилизации общественных насекомых. И карты не забыть! Знал бы комбинаторику – подсчитал бы вероятность двукратного совпадения, но ломы изучать ее ради одного феномена. Башке моей – не до науки сегодня.

– Так. Время?

– Восемнадцать тридцать... две...

– Хорошо. Сколько-сколько??? Ого... когда же это... Получается, не только я с ума схожу, но и время...

– Ну, Кирпич: планы на сегодня?! Живо решай!

– Уже решил: на Васильевском ночью.

– Молодец, Кирпич, грамотное решение: тогда я собираюсь!

– Пошевеливайся!

Так я разговаривал в голос сам с собою, закидывая в сумку ноут, планшет, котлетку денег, карточки, носки... Нож положить. Два ножа положу: один складишок-выкидушку (пустяковина китайская, воплощенная мечта моих детских интернатовских грез), а другой – понадежнее – столовый, но очень прочный и острый. Хорошо бы... ствол какой-нибудь купить... Раньше надо было думать.

Ничего не забыл? Вроде бы нет.

Кому бы пожаловаться, у кого бы защиты попросить или хотя бы удобоваримых объяснений происходящего?

Не у кого: сам уже взрослый мужик, сам должен справляться...

Я уже открывал вторую наружную дверь, когда запнулся мыслью на пороге... Кивнул сам себе, ключ в обратную сторону – щелк, щелк на два оборота, прошел, не снимая кеды, в кабинет, упаковал карточную колоду в коробочку. Вот теперь можно идти.

Муравьи, да? Эльфы, крысы, джокеры?.. Посмотрим!.. Ни хрена не убоюсь!..

Дзззукк! Эсэмэска пришла.

А я – весь уже в образе нестигаемого, но временно гонимого крутыша-одиночки – хладнокровно запер двери, пешком спустился по черной лестнице, вышел на проспект Испытателей и только тогда вынул трубку из кармана, чтобы прочесть обычный телефонный спам:

«Уничтожаем насекомых, ос, муравьев. Подробности по ссылке...».

Глава 4

Романтика в умеренных дозах – элемент уюта, по типу халата. Если бы не страх, противный, унижительный, убивающий любые помыслы насладиться обрушившимися на меня событиями, я бы с удовольствием завернулся в эти чудеса и понежился... А вместо этого бегу, дрожа и озираясь.

Белые ночи в Петербурге вкрадчивы и очень пугливы, на излете особенно. А день все еще настойчив; хорошая же погода, как дневная, так и ночная, не то чтобы редка, но малопредсказуема. Семь часов вечера, восемь... десять... одиннадцать – а в окнах верхних этажей, по золоту церковных куполов и крепостных шпилей все еще плывет холодное северное солнце... Неопытному и нетерпеливому путешественнику, нарочно приехавшему в Питер, чтобы окунуться в белую ночь, уже начинает мниться, что световой день не иссякнет как минимум до завтрашнего полудня... Но вот объявлена полночь, и в первом календарном часу новых суток на улицы-линии Васильевского острова потекли из дворов-колодцев сумерки, обещающие доверчивым зрителям все волшебства знаменитой белой ночи. Вперед, к Неве: именно там, на гранитных набережных, на стрелке Васильевского острова, на песчаном пляже Петропавловки, на водной глади между рогами разводных мостов она являет в полной мере мимолетную свою красоту! Вдруг, откуда ни возьмись, задули ветра, пригнавшие в город подмокший балтийский туман. Обозвать его тучею не повернется язык, очень уж он приземист, вял, безлик и бесцветен, однако белую ночь испортил, увы: вместо нее сырая мгла, тьма без звезд, неуверенные раскаты далекой грозы, которые легко спутать с грохотами и зарницами поздних трамваев, первые капли дождя откуда-то сбоку-сверху, досада на невзятый зонтик...

Это даже и хорошо, что ближе к ночи вместе с сумерками проступила морось на улице: под безоблачным небом я непременно пошел бы куда-нибудь к воде, на стрелку Васильевского либо вообще за Дворцовый мост, по Дворцовой набережной к Летнему саду, мой любимый Троицкий мост разводить, дабы отвлечься от смуты душевной... Не скажу, что я очень уж истосковался по прогулкам среди белых ночей, но с некоторых пор считаю себя обязанным погружаться туда хотя бы раз в лето... Ладно, коли так, прогулка в другую ночь успеется, когда небо посветлее будет и посуше, а ныне я лучше дома посижу. Сказал – и сделал: остался дома, в своей «младшей» квартире на Васильевском... Так уж не улыбалась мне перспектива еще раз нарваться... ну... короче говоря: видеть никого из знакомых не хотелось, а в одиночку же ходить, пусть даже в прозрачную белую ночь среди беспечных толп... наверняка бы забоялся, впервые за много лет. Теперь же – мелкий липкий дождик спокойно и без моего участия решил главную проблему сегодняшнего вечера.

Первое, что я сделал – то есть уже ни на чих не стесняясь перед самим собой за проявленную паранойю, – тщательно проверил оба окна, в комнате и на кухне, чтобы и основные створки окон, и форточки были на запорах, а не просто прикрыты. В квартире на Васильевском, в отличие от «главной», более современной квартиры, остекление старого образца, двойные деревянные рамы, а не стеклопакеты, поэтому я проверяю задвижки на внешней раме и на внутренней. Выходят окна во двор-колодец, даже днем здесь темновато без электрического освещения, даром что относительно высоко живу, на предпоследнем этаже пятиэтажного дома... Будем надеяться, что ради преследования одного маленького меня таинственные силы не будут выключать электричество в нашем доме. А... если отключат? В таком случае приобрету опыт, буду знать наперед – зачем это мне, в моем домашнем хозяйстве, понадобится читалка: ее заряда хватает надолго, не то что в ноуте!

Вечер на исходе, унылые слякотные сумерки, через полчаса наступит полночь... Но не географическая, а декретная, обусловленная привычками социума полночь, которая, согласно воле земных властей, приходит в город Петербург на два часа раньше природной. Я вроде

бы и голоден слегка, но есть не хочу, меня как бы даже подташнивает от волнения... самую чуточку, просто на уровне «кусоч в горло не лезет». А воду охотно пью – кипяченую, маленькими отдельными глоточками, из стеклянной кружки с аляповатыми цветочками. Надо будет вспомнить, какая полночь в прошлый раз порадовала меня спецэффектами: декретная или... Помню, декретная, у меня ведь по ней будильник в трубке настроен. Странно: я сбежал на Васильевский, спрятался, типа, а сам в напряжении жду – начнется или не начнется? И если да – что именно? Колоду карт я с собою взял? Взял. Сделаю чистый научный эксперимент: буду гадать на шестерки перед наступлением полуночного рубежа и после него, сначала испытаю декретную полночь, потом природную, а потом и спать. Сегодня у меня стойкое предчувствие, что ночь пройдет безо всяких чудес...

Да, и будильник в трубке немедленно отключить, пока о нем помню, во избежание очередного нервного припадка! Времени? Без двадцати пяти ночь. Выставляем... с разницей до секунды... сверяя точное время по телефону городской службы ноль шестьдесят... и трубку, и планшет... Порядок. Все-таки удивительно осознавать, насколько простейшие повседневные бытовые заботы и движения отвлекают от страхов, томлений, страданий, всяких иных-прочих сокрушительных душевных бурь! Люфт по времени пока есть, можно почитать, дополнительно отвлечься. Где мой файл? Угу. «Из всех найденных в полезных ископаемых, датированных олигоценом и миоценом, насекомых примерно 20–40 % – это муравьи. Из всех родов, живших в эпоху эоцена, примерно 10 % дожили до наших дней. Роды, существующие сегодня, составляют 56 % родов, найденных в балтийском янтаре (датируется началом олигоцена) и 92 % родов, найденных в доминиканском янтаре (начало миоцена)». Сухие бесстрастные справки, подобные этой, для моего разума слаще овсяного печенья, ярче сказочного блокбастера, ибо окрыляют, позволяют самому фантазировать и думать в любую сторону, «...дожили до наших дней!..» Это значит, что повстречай я сего десятипроцентного представителя рода муравьиного, мне было бы не понять, откуда он бежит: из соседнего парка или из тридцатимиллионлетней глубины веков?! Очень это забавно и занятно! Муравей – общественное животное, стало быть, и устройство их муравьиного мира, дожившего до наших дней, столь же устойчиво к переменам, как и строение тельца отдельной особи, живой или ископаемой. Соответственно, и пища, и способы ее добычи аналогичны современным. Рабовладельческий строй в Египте просуществовал несколько тысяч лет подряд, от силы четыре, и по факту получается, рабовладельческое устройство самое прочное в истории человеческой цивилизации. Но сие ведь не значит, что оно выдержало проверку временем и более всего подходит нашему homo sapiens или что в рамках египетского рабовладения остановились эволюция и прогресс и продолжились только в феодальном средневековье? А может, значит?.. Будем проверять. Но муравьиные царства, пчелиные, термитные прожили во многие тысячи (!) раз дольше, чем египетские человеческие! Ужели за столь колоссальное количество минувших тысячелетий эволюционные процессы обошли стороной формику руфу и ему подобных??? И если да – то распространяется ли сей ступор на общественные образования, на пчелиные рои, муравейники, термитники?.. Или НЕ распространяется? Вот, скажем, камень, булыжник, или кирпич, или плитка – одни и те же элементы могут составить и античный дворец, и заводоуправление, и стену в каком-нибудь коллаидере... Или ноготь на моем правом указательном пальце, который пора обстригать, – он примерно такой же, как был у Калигулы и Франсуа Рабле, и я, Сева Кирпичев, примерно такой же по объему головного мозга, расположению рук-ног-требухи, цвету кровяных телец, как Ньютон и Аттила, однако же общественное устройство и сама цивилизация, на разных этапах своего существования породившая меня и Людовика Одиннадцатого, очень и очень отличаются, в зависимости от того, какое тысячелетие на дворе... и даже век... да что там век – десятилетие! Из одних и тех же кирпичей, известок, гвоздей, бревен, свай и прочих молекул – бесконечная пестрая череда строений античных, средневековых, довоенных, послевоенных, капиталистических, социалистических, исторических, доисторических... При этом люди – все

те же: с аналогичными думами, страхами, Любвями, надеждами. При этом камешки, из которых построена отдельная человеческая особь – руки-ноги, головной мозг, спинной мозг, базовые инстинкты, человеческие рефлексy, безусловные и условные, все они по-прежнему при нас. Иными словами, из тех же «муравьев» выстраивается совсем-совсем иной «муравейник»! Отсюда тема уклоняется в несколько неожиданный поворот! – и моему разуму, чтобы в сей поворот вписаться, следует не просто кивнуть, а...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.